

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

НИЛ УАЙТ

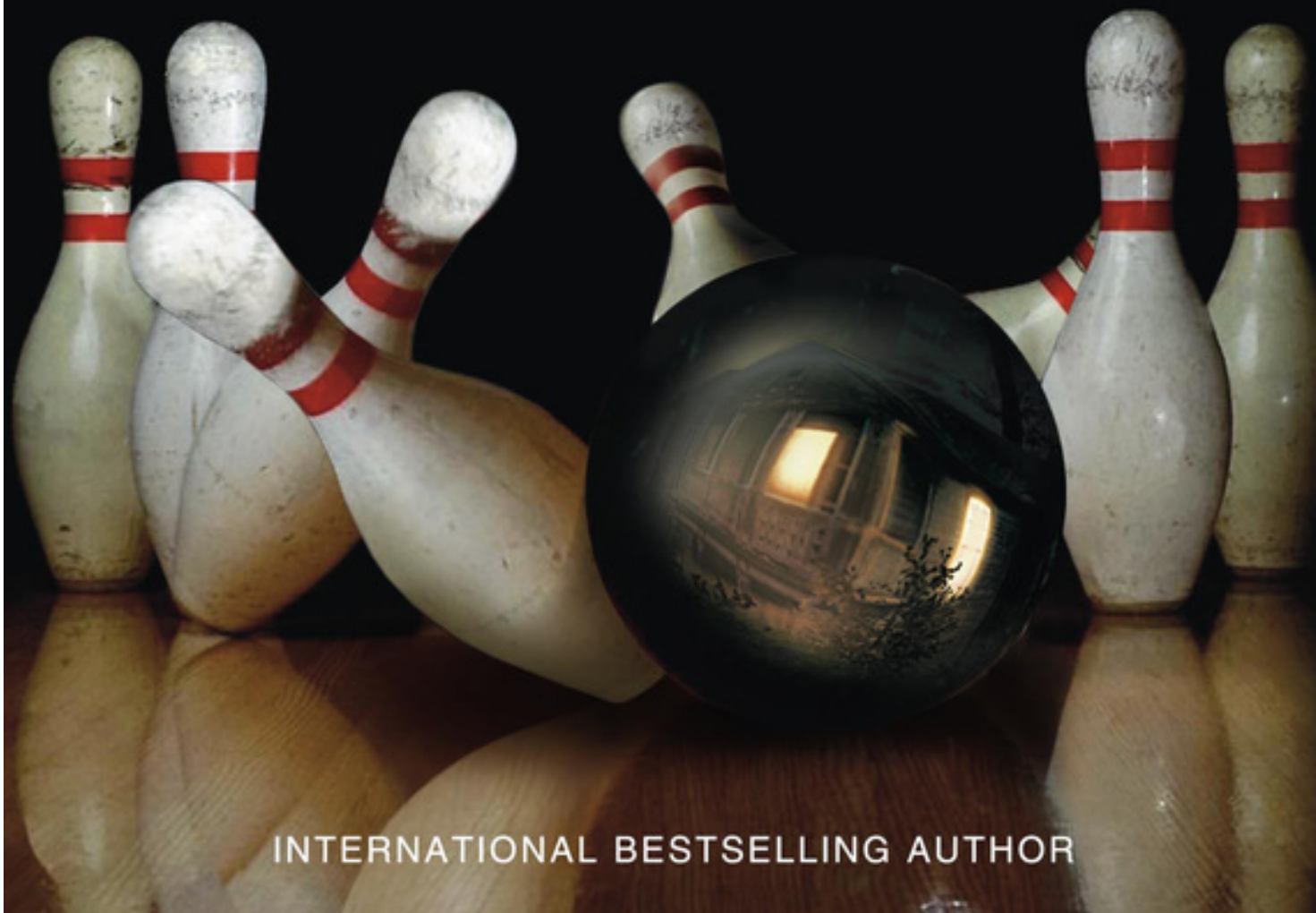
ИГРА НА ВЫБЫВАНИЕ

ОТ ЭТОГО РОМАНА КРОВЬ СТЫНЕТ В ЖИЛАХ...

Взрывной накал полицейского расследования,
хитросплетения судебных разбирательств и гнетущая атмосфера
тюремных камер...

Гипнотизирует, пугает и завораживает.

Daily Mail

INTERNATIONAL BESTSELLING AUTHOR

Нил Уайт

Игра на выбывание

«Центрполиграф»

2013

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Уайт Н.

Игра на выбывание / Н. Уайт — «Центрполиграф», 2013

Братьям Джо и Сэму Паркерам трудно найти общий язык. Сэм служит в полиции и ловит преступников, а адвокат Джо делает все, чтобы они вышли на свободу. Казалось бы, интересы братьев не совпадут никогда. И действительно, дела, которыми они занимаются, на первый взгляд не имеют отношения друг к другу. Джо защищает человека, которого обвиняют в убийстве сожительницы и маленькой дочери, Сэм расследует череду загадочных исчезновений девочек-подростков. Но оказывается, что и в том и в другом случае ключ к разгадке лежит в прошлом. Чтобы распутать клубок взаимосвязанных событий и прервать цепь трагедий, братьям приходится забыть о былых противоречиях и действовать сообща. Медлить нельзя, игра идет не на жизнь, а на смерть...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

© Уайт Н., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	30
Глава 11	35
Глава 12	37
Глава 13	41
Глава 14	46
Глава 15	47
Глава 16	50
Глава 17	54
Глава 18	57
Глава 19	62
Глава 20	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Нил Уайт

Игра на выбывание

Next to Die

Copyright © Neil White, 2013

«Игра на выбывание»

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Глава 1

Он ходил взад-вперед, ощущая нечто среднее между беспокойством и приятным волнением. Итак, он добился своей цели, все шло по плану. Вот оно, новое начало. Если не считать звука его собственных шагов, вокруг царил тишина, однако казалось, что это просто затишье перед бурей, краткая передышка после всего, происходившего ночью, – крики, шум борьбы, сердитые голоса... Но утром все будет по-другому. Начнется совсем другая жизнь.

На этой мысли и следует сосредоточиться. Начать сначала. С чистого листа. Он остановился и, уперев руки бока, устался в пол. Посмотрел на собственные ботинки – простые, коричневые, без шнурков, они давно уже утратили блеск новизны. Потертые и поношенные, ботинки почти сливались с полом, так что разглядеть их было не так-то просто. Он подвигал ногами и под скрип подошв начертил на полу парочку небольших воображаемых кругов.

Он сел и наклонился вперед. Он готов к новой жизни. Другого выхода нет. Глубоко вздохнув, закрыл лицо руками, оттягивая пальцами кожу и оставляя на ней красные следы. На секунду все вокруг погрузилось в благословенную темноту, которая, увы, вскоре наполнилась картинками прошлого – размытые черты лиц, открытые рты, дикие взгляды. Они вырывались, сопротивлялись, но никогда не могли одержать верх.

Он открыл глаза. Дыхание сделалось прерывистым, на лбу выступил пот. Как он до этого дошел? С чего все началось, понятно, однако такого финала он не ожидал. Они все умерли. Отняв руки от лица, он вытянул их перед собой ладонями вверх. Руки как руки – кожа, мышцы, кости. Медленно повернул их тыльной стороной, и вместо проступающих на грязных ладонях линий увидел только тонкие пальцы. Ногти тоже были бы грязные, если бы он не обкусал их вместе с кожей. Остались только короткие огрызки, а над ними – распухшие кончики пальцев. Но он до сих пор не мог поверить, *что* сделали эти руки. С виду обычные, они сотворили такое, переступили через такие границы... Казалось бы, это должно быть заметно с первого взгляда, но нет. Впрочем, дело не в руках. Дело в ней. Так было всегда.

Он снова закрыл глаза. Нужно забыть о ней, но задача не из легких. Стоило ему попытаться избавиться от одних воспоминаний, как тут же приходили другие. Вот их мягкие, длинные волосы касаются его пальцев. Прикосновения, как легкие поцелуи, задевают кожу. Потрескивает статическое электричество. Он сглотнул.

Воспоминания были слишком яркие, и все помещение тут же наполнилось звуками борьбы, всхлипываниями и приглушенными криками. Он едва переводил дух, перед глазами одна за другой проносились картины. Пустое пространство, эхо, мягкие волосы, касающиеся рук, шорох пластика, скрип ножек стула по полу, стук дерева о бетон. Казалось, мысли доставляли физическую боль, и он стиснул руками колени. Необходимо взять себя в руки, больше о таких вещах думать не следует. Это все в прошлом, с которым самое время порвать. У него появился шанс начать сначала.

Вот он, первый день новой жизни.

Глава 2

Джо Паркер покачивался на стуле и глядел в окно, наблюдая, как площадь постепенно заполняется народом. Он уже обзвонил полицейские участки Манчестера и ближайших маленьких городков, чтобы навести справки относительно новых арестантов. Уголовное право – отрасль достаточно ограниченная, поэтому фирме просто не удержаться на плаву без этих однообразных будничных дел – алкоголики, мелкие хулиганы... Нужно же чем-то заполнять пробелы, пока не подвернется серьезная работа. Но, чтобы заполучить всех этих мелких клиентов, нужно, чтобы твое имя стало известным. Поэтому каждое утро Джо обзванивал все участки в радиусе пятнадцати миль лишь для того, чтобы узнать, не упоминал ли кто-то его имени. Как всегда, ответ – «нет». Но каждый раз Джо заводил разговор с тем, кто взял трубку, и выяснял, нет ли серьезных дел. Убийств. Детоубийств. Изнасилований. Так он изо дня в день погружался на самое грязное дно Манчестера. Даже если труды Джо не приносили ощутимых результатов, по крайней мере, они помогали ему создать репутацию. В этом городе крупных конкурентов у фирмы хватает, а значит, Джо должен прилагать усилия, чтобы о нем не забывали. Для его начальников из отделов гражданского и коммерческого права, которые носили безупречно сидящие костюмы и улыбались не разжимая губ, юриспруденция значила только одно – деньги, деньги и еще раз деньги. Однако для Джо на первом месте всегда стояла борьба, драма.

Джо снова повернулся в кресле к окну, за которым открывался вид на крошечный парк. Скучный участок травы, деревьев и асфальтовых дорожек, располагающийся на месте старой церкви. Спокойное местечко, окруженное высокими зданиями из красного кирпича, в которых размещались юридические компании и адвокатские конторы, бухгалтеры и оценщики. Через высокие окна с раздвижными рамами и белыми деревянными решетками виднелась зеленая металлическая ограда, обрамленная кустами ярко-розовых рододендронов. В глубине парка едва виднелся памятник – каменный крест на пьедестале, установленный в память о лежащих в этой земле. Его окружали стоящие бок о бок скамейки.

Так у Джо начинался каждый день. В офис он пришел, как всегда, рано – еще не было семи, и сразу принялся разбирать стопку документов, оставшихся на столе. Разумеется, весь его график нарушали клиенты, у которых четкие планы отсутствовали начисто, а значит, не было никакой гарантии, что заранее назначенная встреча состоится. Редко кто исполнял свои обязательства – впрочем, в пятницу днем клиенты проявляли больше пунктуальности. Хотя пятничные визиты в его офис были всего лишь предлогом, чтобы выклянчить немного денег, дабы пережить еще одни тяжелые выходные – впрочем, их жизнь вообще легкостью не отличалась. Ассоциация юристов, конечно, не одобряла подачи клиентам, но Джо старался поступать по совести. Правила созданы, чтобы их нарушать. Не пойман – не вор.

Джо наблюдал, как внизу постепенно просыпается город. Герань, розы и ноготки расцвечивали лужайки желтым и фиолетовым, а деревья покрылись молодой зеленой листвой. Маленький островок спокойствия в стороне от магазинов и забитых дорог, проложенных между остатками того, что когда-то было достижениями индустриальной революции. Однако имелись здесь и виды, режущие глаз. Например, высокая стеклянная башня Битхама, яркий пример архитектурного недоразумения. Высокая, тонкая – такое впечатление, будто ее вот-вот сдует. А на фоне виадуков из красного кирпича и темных каналов выглядит и вовсе неуместно. В ветреную погоду высокий стеклянный шпиль начинает издавать странные звуки, напоминающие музыку флейты. А магазины вокруг башни разместились на первых этажах старых складов. Куда ни глянь, всюду прошлое сливается с настоящим. Город меняется каждый год, и только эта маленькая площадь остается все той же.

Джо работал в «Ханиуэллс» уже год, с тех пор как ушел из «Махоунс», более крупной компании, где на команду юристов сваливали горы работы, но на то, что тебя сделают партнером, рассчитывать не приходилось. В те времена Джо был простодушным, наивным новичком только-только из юридического колледжа и не мог предложить ничего, кроме диплома и голого энтузиазма. Джо мечтал изменить мир и помочь восторжествовать справедливости. Однако Махоуны ясно дали понять – их интересует не качество работы, а количество заработанных для компании денег.

В первое время Джо не возражал, поскольку верил, что сумеет совместить одно с другим. Ведь Джо знал, что станет хорошим адвокатом. Он понял это еще в детстве, когда поспорил с соседом, доказывая, что имеет полное право стучать мячом о забор. Во-первых, детям полагается играть на улице, а во-вторых, он ведь стучит только по своей стороне. Джо запомнил, как старик направился обратно в дом, качая головой и бормоча себе под нос что-то про нахальных мальчишек. Но Джо ощутил не раскаяние, а триумф – еще бы, ведь он одержал победу в споре.

Вот он увидел стажера Монику. Она шагала через парк, обогнув группу офисных работников, занимавшихся тай-чи на свежем воздухе. Этот утренний ритуал уже стал привычным. Так люди пытались создать мирную, расслабляющую атмосферу в двух шагах от места работы – и у них получалось. По крайней мере, Моника остановилась посмотреть, хотя Джо подозревал, что она просто тянет время, лишь бы подольше не приходиться в офис.

Наконец Моника продолжила путь, и Джо отвернулся от окна. Пора сосредоточиться на делах. Тут открылась дверь, и вошла Джина Росс, следовательно в отставке, исполняющая обязанности детектива. В эту фирму они с Джо пришли одновременно. Как и большинство полицейских, уйдя на покой, Джина быстро соскучилась. В свои пятьдесят она была слишком молода, чтобы сидеть без дела. В отличие от коллег мужского пола, с гордостью носивших по несколько шрамов, у Джини не было ни одного. Отсутствовала у нее и их любимая привычка напиваться и драться в пабах, так что никаких разбитых костяшек и лопнувших сосудов на щеках. А седые пряди в темных, коротко стриженных и зачесанных за уши волосах придавали ей еще больше изящества. Глядя на ее подтянутую фигуру и стройные ноги, трудно было поверить, что Джине столько лет.

Впрочем, на работу ее приняли не за красивые глаза. Джо было известно, что лучший способ противостоять полицейским уловкам – нанять человека, который знает их все, а Джина была экспертом как раз в этой области. Благодаря обаянию и приветливой улыбке заключенные слушали ее развесив уши. Позабыв слова адвоката, они с готовностью выбалтывали свои истории, несмотря на все советы помалкивать.

Впрочем, на полицейской службе привлекательность была далеко не единственным козырем Джини. Она была умна и трудолюбива. А еще именно ей в свое время поручили расследовать дело, непосредственно касавшееся самого Джо. Была убита его сестра, Элли. Произошло это задолго до того, как Джо стал адвокатом. Уже много лет смерть Элли омрачала жизнь Джо, точно черная тень. С тех пор он чувствовал себя обязанным Джине, хотя найти убийцу так и не удалось.

Джина держала в руке стикер.

– Доброе утро, – поздоровался Джо. – Что у тебя там?

– Только что звонили из суда. Один заключенный хочет сменить фирму и воспользоваться нашими услугами.

Джо состроил гримасу. Очередная трата времени. На этой стадии чаще всего меняли фирму те, кого отказались выпускать под залог. Их гнев автоматически обращался против юристов.

– И кто же с ним раньше работал?

– Махоуны.

Джо вскинул брови, и Джина улыбнулась:

- Так и знала, что такой поворот дела тебя заинтересует.
- Да, но тут, похоже, не без подвоха. С чего он вдруг решил менять фирму?
- Не знаю. Есть только один способ это выяснить.
- В любом случае причина должна быть основательная. Махоуны просто так клиентов

не отпускают.

- А вот теперь тебя точно зацепило.
- Да-да, ты мастер своего дела. Внимательно слушаю.
- Подожди, ты еще не знаешь, какое обвинение предъявляют этому человеку.
- Продолжай.

Джина протянула Джо стикер:

- В убийстве. И он хочет, чтобы его защищал именно ты.

Джо чуть не присвистнул. Значит, убийство. Махоуны в такие дела зубами вцепляются, почему же на этот раз упустили? Конечно, дела об убийствах не самые высокооплачиваемые. Не тот объем – когда речь идет о сложных мошеннических схемах, размер счета значительно повышает одна только бумажная работа. А вообще-то, убийства для адвоката мало чем отличаются от нападений – разве что на одного свидетеля меньше. Однако дела такого рода считаются престижными и самым положительным образом влияют на имидж компании. Джо взглянул на стикер. Там было написано только имя: Ронни Бэгли.

- Значит, этот тип требует именно меня? Я что, его знаю?

– Вот сам у него и спросишь, – ответила Джина и направилась к двери, оставляя за собой шлейф аромата духов. Потом вдруг остановилась. – Может, с днем рождения поздравит.

Джо вскинул голову:

- Спасибо, Джина. Надо же, запомнила!
- К маме поедешь?

– Ну уж нет, целый день мне там не выдержать, – Джо снова взял в руки стикер. – Еду в суд.

– Смерть твоей сестры сильно ее подкосила, Джо. И отцу твоему не легче. Уж я-то видела. Ее поддержать надо, в такой-то тяжелый день.

Настроение сразу испортилось. На Джо нахлынули тягостные воспоминания.

- По-твоему, мне не тяжело? Каждый справляется, как может.

В ответ Джина молча кивнула и вышла из кабинета. Джо еще раз повернулся в кресле и снова устремил взгляд на площадь. Моники видно не было – должно быть, уже в офисе. Тем временем сессия тай-чи подходила к концу. Джо отвернулся и заметил свое отражение в стекле, вставленном в раму картины. На портрете был изображен какой-то викторианский судья. Видно, специально повесили, чтобы придать офису респектабельности. На секунду Джо увидел себя таким, каким его видели остальные. Костюм, галстук, запонки. Адвокат. Успешный адвокат.

Но все это лишь красивый фасад. На самом деле у Джо был темный секрет, который он скрывал ото всех. Джо пытался бороться, но порой это оказывалось сильнее его. Джо надавил пальцами на виски. На ближайшие несколько часов нужно выбросить все мысли такого рода из головы. Надо ехать в суд.

Глава 3

Джо приближался к зданию Магистратского суда Манчестера на площади Короны. Строение было современное – сплошь стекло и красный песчаник. Когда-то площадь представляла собой открытое замощенное пространство. Для многих этот простор был последним глотком свободы на пути к зданию суда. Теперь все изменилось. Старое здание суда снесли и заменили магазинами и ресторанами из стекла и стали. Теперь площадь целыми днями гудела, точно пчелиный улей. Здесь собирались юристы, бухгалтеры и банкиры – сидели за столиками на свежем воздухе, пили кофе элитных сортов и ели незаслуженно дорогие батончики мюсли.

В результате публика здесь была достаточно пестрая – подсудимые соседствовали бок о бок с преуспевающими и успешными. Мимо прошла молодая пара. Девушка в грязных черных джинсах и футболке – тощая и изможденная, явно наркоманка. Парень худой, но мускулистый. Белая майка, все руки в татуировках. Вид скорее угрожающий, чем спортивный. Парочка обогнула двух мужчин – костюмы сшиты на заказ, на запястьях сверкают часы. На самом деле и те и другие стремились продемонстрировать свою крутость, просто выбрали разные способы. Мужчины в костюмах держались с непринужденной уверенностью – такая манера призвана притягивать взгляды. Парочка же смотрела на всех вокруг в упор, не моргая, стремясь запугать, поэтому от них, наоборот, взгляд отводили.

Рядом с Джо молча шагала Моника. Пока не закончится стажировка, в зале суда ей делать нечего, однако Моника вполне в состоянии передавать сообщения, информировать судебных приставов о рабочем графике Джо – бывало, его присутствие одновременно требовалось на двух процессах – или забирать бумаги у прокурора. Монике будет полезно примелькаться. Это пригодится ей по окончании периода обучения. Моника уже сопровождала адвокатов в Суд короны, делала записи и вникала в суть серьезных дел, однако атмосфера там была намного сдержаннее и цивилизованнее. Если Моника хочет заниматься уголовным правом, то вкалывать в основном придется именно здесь.

– И какой же сферой права ты собираешься заниматься, когда закончишь обучение? – спросил Джо.

– Пока не определилась, – ответила Моника. Заправила выбившуюся прядь за ухо. В другой руке она сжимала маленький портфель, пока что служивший просто дамской сумочкой. – Наверное, буду специализироваться на моральном вреде. Или на завещаниях.

Джо пренебрежительно качнул головой:

– Скучное перебирание бумажек, и больше ничего. Уголовные дела намного интереснее.

– Интереснее?..

– Вот именно, – кивнул Джо. – Ради денег в наше ремесло не приходят, зато недостатка в занимательных историях испытывать не будешь. Мне бы пригодилась помощница. Подумай над этим.

Моника улыбнулась:

– Хорошо. Спасибо.

Улыбка не сходила с ее лица, пока они не вошли в Магистратский суд. Джо и Моника встали в очередь вместе с подсудимыми и их защитниками. Иначе через охрану не пропускали, хотя имя Джо тут знали все и каждый. Солидный костюм не избавлял от необходимости толкаться в очередях.

Кажется, в присутствии мрачно сгорбившихся хмурых подсудимых Моника чувствовала себя вполне непринужденно. Как всегда, толпа состояла в основном из должников и неплательщиков. Все в их облике, от морщинистых лиц завязанных курильщиков до коричневых пеньков, в которых с трудом можно было узнать зубы, говорило о том, что эти люди опустили на самое дно. Именно самообладание Моника и привлекло внимание Джо, когда она только

появилась в офисе. Она всегда держалась скромно, с достоинством, носила исключительно строгие костюмы темных тонов и белые блузки, но как-то раз Джо заметил зеленые и красные края татуировки, выглядывающие из-под воротника, а также крошечные следы пирсинга, покрывавшие оба уха сверху донизу. Видимо, на время работы серьги Моника вынимала. Такая девушка сразу выделяется из серой массы и, вне всякого сомнения, сумеет расположить к себе клиентов. Кому нужны все эти безликие типы?

На эскалаторе они поднялись на второй этаж – там было намного светлее благодаря высокой стеклянной крыше – и вышли в открытый вестибюль, больше напоминающий помещение в современном офисе. Туда-сюда прохаживались адвокаты из «Махоунс». Это была одна из самых крупных и солидных фирм в Манчестере. Рядом энергичные молодые адвокаты из менее престижных компаний жали руки клиентам и бодро улыбались, всеми силами пытаясь показать, что они не просто неопытные дети, начинающие с низов.

Джо протолкался сквозь толпу, загораживающую вход в часть здания, где располагались камеры. В понедельник утром здесь всегда былолюдно. Девушки разговаривали с адвокатами своих бойфрендов, требуя сообщить, когда тех отпустят домой. Пара репортеров шныряла вокруг, рассчитывая нарыть очередное дело с привкусом сенсации. В любом случае публику интересует мошенничество с целью получения социальной помощи или нелегальные иммигранты. Но в основном дело приходилось иметь с обычной бытовой грязью. Алкоголь, наркотики, драки – вот три кита, на которых держится работа адвокатов по уголовным делам.

Наконец Джо добрался до двери, ведущей в изолятор, и тут заметил человека с фирменной папкой «Махоунс» под мышкой. Мэтт Ливер. Лысеющий человек в очках в тонкой оправе, он, похоже, считал, что самое главное для юриста – начищенные до блеска ботинки. При приближении Джо Мэтт замер.

– Доброе утро, Мэтт, – поздоровался Джо. – Ну что, упустил клиента?

– Это мы еще посмотрим... Кстати, что ты тут делаешь? Тебе бы надо спешить со своей формой в суд. Думал, ты так и сделаешь. Ты же не хочешь, чтобы кто-то увел клиента, прежде чем твое имя появится на папке с делом.

Мэтт плотно сжал губы. Джо округлил глаза.

– Ты что, упустил из виду такой важный момент и не получил подпись клиента? – рассмеялся Джо. – Старик Махоуну это не понравится, особенно если Ронни перейдет ко мне.

Мэтт шагнул ближе.

– Все выходные, Джо... Все выходные я занимался только им. И в субботу вечером, и вчера. А ты где был?

– Тебе надо чаще высыпаться, – посоветовал Джо. – Может, дыхание посвежее станет.

Прежде чем Мэтт успел ответить, Джо постучал в окошко рядом с дверью, ведущей в изолятор. Окошко открылось, и Джо улыбнулся коренастому мужчине в белой рубашке, с ремня у которого свисала цепь.

– Я к Ронни Бэгли.

– Привет, Джо. Он тебя ждет.

Дверь зажуужала, и Джо с Моникой вошли внутрь. Мэтт попытался было прорваться вслед за ними, но Джо предостерегающе выставил руку:

– Не надо унижать себя такими выходками. Скажу старику, что ты сделал все возможное.

Мэтт выругался, но тут дверь захлопнулась. Щелкнул электронный замок, и коридор погрузился в приятную тишину. Охранник обернулся и прокомментировал:

– Ужас как расписивался.

– Кто, Мэтт? – уточнил Джо. – Было бы из-за чего. Партнером его все равно не сделают.

– Ты поэтому уволился?

Джо не стал отвечать. Причиной его увольнения стало вовсе не отсутствие карьерных перспектив. Джо молча протянул охраннику форму.

– Кен, скажи Ронни, чтобы подписал. Сам знаешь где.

– Не вопрос, – ответил Кен.

На самом деле процедура была несколько другой, но Джо знал, с кем следует поддерживать дружеские отношения. Люди, занимающиеся перевозкой заключенных, могут предложить услуги Джо тем, у кого нет адвоката. Всего-то и нужно, что запомнить имя и подарить на Рождество бутылку виски. Джо провели в будку в углу. Вместе с Моникой они протиснулись внутрь. Тесное пространство сразу наполнил запах ее духов. Сквозь стеклянную стену был виден пустой стул.

– Никогда не разговаривала с убийцей, – тихо произнесла Моника.

– Мы пока не знаем, убийца он или нет.

Моника поджала губы.

– Раз арестовали, значит, должны быть причины.

– Мы юристы. Для нас главное – улики и доказательства. Со временем ты научишься подходить к делу рационально. Все мы учимся абстрагироваться от эмоций. Главное – не вставай ни на чью сторону. Те, кто этим увлекается, частенько путают черное с белым и в результате играют на руку тому, кто похитрее. Я и сам переступаю через правила, которые по-хорошему нарушать не следовало бы. Тут вся хитрость в том, чтобы избегать нежелательных последствий. Будь вежлива, но держи дистанцию. Если эти ребята идут на дно, то и тебя следом утянут.

Тут урок пришлось прервать. С другой стороны послышались голоса – кто-то разговаривал с охранниками. А потом на стул опустился растрепанный мужчина. Чтобы описать его внешность, хватило бы одного прилагательного – «средний». Рост, телосложение, цвет лица, стрижка. На затылке волосы стояли дыбом – результат двух ночей, проведенных в камере на виниловом матрасе.

– Ронни Бэгли, я Джо Паркер, а это Моника Тейлор.

Ронни потер голову.

– Я знаю, что это вы, мистер Паркер. Я ведь специально попросил, чтобы меня защищали именно вы, забыли?

Голос звучал устало и мрачно. Джо не ответил, и тогда Ронни спросил:

– А вы чего ожидали? Широкой улыбки? Меня в убийстве обвиняют.

– Хорошо, начнем сначала, – произнес Джо. Обычно его клиентам такие штучки с рук не сходили, но было ясно, что Ронни сейчас действительно не до любезностей. Можно только гадать, что он переживает.

– Расскажите, почему вы отказались от услуг «Махоунс» и выбрали меня.

– Я к ним только из-за вас и обратился. Думал, вы там работаете.

– Я ушел.

– Да, теперь знаю. Ну и что дальше?

Джо принялся внимательно изучать Ронни Бэгли. Он казался раздраженным. Никаких нервов, никакого страха. Кажется, этому человеку просто не терпелось взяться за дело. Для подозреваемого в убийстве подобное поведение было совершенно нетипично. Большинство с самого начала принимались клятвенно уверять, что они невиновны, даже если это была неправда. Джо обратил внимание и на другие любопытные мелочи. Пальцами левой руки Ронни сжимал кисть правой и все время поглаживал ее большим пальцем – видно, все-таки волновался. Между большим и указательным пальцами Джо заметил татуировку, явно самодельную. Какие-то короткие серые линии, что означают – неясно. Ронни поджал губы, Джо же не спешил нарушать затянувшееся молчание. Ронни откинулся на спинку стула, потом снова наклонился вперед. Этот человек находился в непрерывном движении. Черты его лица были грубоваты, но вместе с тем не лишены привлекательности. Однако было видно, что помотало парня изрядно, и вся былая привлекательность давным-давно поблекла. Вокруг рта пролегли

специфические морщины заядлого курильщика, окруженные темными кругами глаза глубоко запали.

– Сегодня мы ничем серьезным заниматься не будем, – наконец ответил на вопрос Джо. – Сегодня вечером отправитесь в тюрьму. А завтра или послезавтра Суд короны будет решать, выпускать вас под залог или нет. Естественно, решение будет не в вашу пользу. А после этого останется только ждать суда.

Ронни сглотнул и опустил голову.

– Меня точно не выпустят под залог?

– Нет, конечно, вам же предъявлено обвинение в убийстве.

– Получается, тех, кого обвиняют в убийстве, никогда не отпускают под залог?

– Почти никогда. Не хочется понапрасну вас обнадеживать, Ронни. Есть два варианта – я могу говорить вам правду, а могу – то, что вы хотите услышать. Только ситуация от этого не изменится.

Ронни кивнул, не поднимая глаз, будто именно такую новость и ожидал услышать. Потом взглянул на Монику. Та снова заправила волосы за уши и смущенно заерзала на стуле.

– А вы кто?

– Моника Тейлор, – тихонько кашлянув, ответила она. – Стажер.

Джо постучал по стеклу.

– Не в ту сторону смотрите, Ронни, – сказал он, с многозначительным видом указывая на себя. – О деле говорить будете со мной. Так в каком убийстве вас обвиняют?

Взгляд Ронни еще на несколько секунд задержался на Монике. Наконец он произнес:

– В убийстве моей гражданской жены Кэрри и нашей дочери Грейс.

Джо сделал соответствующую запись, но лишь для того, чтобы лучше усвоить услышанное. Собственного ребенка?..

– Что вы сказали полиции? – спросил Джо.

– Ничего. Да и что тут говорить? Тел не нашли. А если нет тел, о каком убийстве может идти речь?

Глава 4

Значит, теперь остается только ждать. Он прижался затылком к холодной стене. Незвестность вынести тяжелее всего. Правильно ли он поступает? Мотив уж точно самый что ни на есть благородный – любовь. Но что, если он выбрал неверный путь к цели? Были, конечно, и волнующие моменты, но со всем этим пора завязывать. Ситуация вырвалась из-под контроля. Однако тишина невольно располагала к воспоминаниям, а у него их было много. Он подумал о первом разе. Тогда он сделал выбор сам. Таково было условие в случае, если он согласится.

Он заметил ее, когда она выходила из парикмахерской – крошечного салона, напротив которого высились черные прокопченные стены, тянущиеся вдоль здания вокзала. На все это падала тень холма, когда-то заросшего зеленой травой, а теперь усеянного каменными коттеджами, мимо которых тянулась дорожка, ведущая в ту часть города, которая располагалась на возвышенности. А эта девушка была точно луч света в темноте. Создавалось впечатление, что здесь ей не место.

Волосы у нее были как раз такие, как он любил, – длинные, идеально прямые и ничем не испорченные. Никакой завивки, никакой химии, никакой краски. Естественные и мягкие, только подстрижены слишком уж ровно – сразу видно, где прошлись ножницы. Он пытался бороться, ведь он давно решил не поддаваться, однако справиться с собой не смог, слишком велик был соблазн. Сначала призыв звучал как шепот, потом – как рычание. Кровь прилила к голове, создавая невыносимое давление. И он пошел за ней. Единственное, что он слышал, – тихое потрескивание статического электричества, когда волосы задевали нейлоновую блузку девушки. Завораживающий звук. Как только она останавливалась посмотреть на витрину или доставала мобильный телефон, он сразу переходил на другую сторону улицы, боясь, что его заметят. Но даже тогда продолжал смотреть на ее отражение. Вот она поправила челку. Две длинные пряди по бокам обрамляли лицо.

Руку холодили маленькие ножницы, которые он достал из кармана. Но он не собирался выпускать их из кулака, пока не доберется до цели. Он приготовился, надеясь, что подходящая возможность не заставит себя ждать. Достаточно, чтобы она зашла в людный магазин или свернула на оживленную улицу. Он умел работать быстро и ловко, как карманник.

И вдруг она остановилась. Сердце застучало в груди. Автобусная остановка. Отлично. Он встал рядом с ней. Она его не заметила. Когда подошел автобус, он подслушал, до какой остановки ей нужно, и купил билет дальше. Посмотрим, куда она едет.

Сиденье у нее за спиной было пустым, и он сразу скользнул туда. Ее волосы перевешивались через спинку, и, когда автобус покачивался, они сразу приходили в движение. В горле у него пересохло, дыхание стало учащенным. За ним никого нет, впереди сидит одна-единственная старушка, и та смотрит в другую сторону. Если что, его лица она не вспомнит.

Он достал из кармана свой короткий, острый инструмент – ножницы. Он как следует их смазал, чтобы не издавали ни звука, и наточил, чтобы получалось легко и быстро. Одно короткое, четкое движение. Когда автобус замедлил ход перед следующей остановкой, ее волосы перестали раскачиваться. Держа ножницы наготове, он вытянул другую руку вперед ладонью вверх. Всего один щелчок. Лезвия сомкнулись, и несколько сантиметров мягких, легких волос упали ему на ладонь. Они были почти невесомые и лишь слегка щекотали пальцы. Он плотно сжал кулак. Перед глазами все помутилось. Захотелось поскорее оказаться дома, наедине с ними, но тут женщина тряхнула головой, и дальше все происходило точно в замедленной съемке – длинные пряди взлетели, точно штора от ветра, и перед ним открылось манящее зрелище. Всего на секунду, но этого было достаточно. Задняя часть ее шеи, где мягкие волосы были точно пух.

Он подался вперед. Это было слишком рискованно, она могла почувствовать его горячее дыхание у себя на шее, но ему просто необходимо было подобраться поближе. Он обо- жал короткие стрижки, бобы, но только такие, которые полностью открывают шею. Тогда он представлял, как ножницы парикмахера порхают над кожей, и мягкие волосы падают на пол, задевая спинку кресла. Но с короткими волосами слишком сложно – есть риск задеть кожу ножницами и привлечь к своим действиям нежелательное внимание. Коллекция волос была его единственным утешением, самым доступным для него способом подобраться к желанному предмету. Вид шеи этой женщины окончательно затуманил рассудок.

Она встала, собираясь сойти. И снова эти потрескивания, когда чистые, сияющие волосы скользнули по блузке и водопадом заструились вниз по спине, покачиваясь при ходьбе. Правда, были еще короткие пряди, задевавшие плечи. Ему захотелось большего. Он следил, как она вышла из автобуса и повернула на длинную улицу с каменными домами. Дальше тянулись только открытые поля, а значит, жила она именно на этой улице. Тогда он и понял, что на этом не ограничится – у него были ее волосы, и он знал, где она живет. Она стала первой.

Глава 5

В коридоре здания суда все было как обычно. Подсудимые с ничего не выражающими лицами дожидались начала слушаний на грязных синих стульях, привинченных к полу. Прокуроры проносились мимо с ноутбуками под мышкой. Почти все адвокаты были молодые, папки в их руках украшали логотипы фирм. Их специально учили держать папки так, чтобы название можно было легко прочитать. Бесплатная реклама, что-то вроде живого щита.

Моника брела следом за Джо в сторону зала суда. Джо старался не особо прислушиваться к гулу голосов. Подсудимые, как всегда, рассказывали, что привело их сюда, а адвокаты думали, как переиначить историю и подать ее в суде под правильным углом. Главное, побольше раскаяния. Джо мимоходом окинул взглядом лица собравшихся – вдруг встретится кто-то знакомый? Особенно высматривал своих бывших клиентов из «Махоунс». Уговорить этих ребят сменить адвоката проще простого, иногда достаточно бутылки дешевого шерри. Но сегодня никого знакомого видно не было.

– И что теперь? – полушепотом спросила Моника.

– Возьмем у прокурора бумаги, а потом навестим клиента в тюрьме. Ронни остается только ждать, пока строить планы бессмысленно.

Джо открыл дверь, и из шумного коридора они попали в торжественно тихий зал суда. Ряды покрытых шпоном столов тянулись через весь зал и обрывались лишь около высокой платформы, с которой магистраты вершили правосудие. Сверху висел старинный герб – лев и единорог. Королевский штандарт. И девиз – «Dieu et Mon Droit» – «Бог и мое право». За столами собрались адвокаты. Одни переговаривались, другие листали папки или разгадывали кроссворды. Джо чуть не застонал. Похоже, тут очередь. Он взглянул на часы. Сегодня ему задерживаться некогда.

Джо уже подумывал, не уйти ли, но дело Ронни слишком важное. И снова его окутала темнота, затягивающая, будто болото. Настроение сразу испортилось. Джо знал, что сегодня произойдет. Сразу нахлынули воспоминания, и тайна, которую он скрывал пятнадцать лет, снова вынырнула на поверхность. Но сейчас обо всем этом думать рано. Нужно сосредоточиться на деле Ронни. Джо жестом велел Монике занять места в задней части зала и отправился искать прокурора. Прокурором оказалась Ким Ридер. Джо улыбнулся. Ким была старой подругой, они вместе учились в юридическом колледже, хотя когда-то их связывало нечто большее. Несколько пьяных ночей кого хочешь сблизят. Когда Ким оборачивалась, лицо у нее было настороженное – явно ждала очередного потока жалоб со стороны защиты. Но, увидев Джо, сразу просияла.

– Джо Паркер! – воскликнула она. – Рада встрече.

– Я тоже. Ты что здесь делаешь? Думал, ты у нас теперь слишком важная птица.

– У меня тут дело об убийстве, которое ни за что не упущу. Хотя и с остальными, конечно, тоже возиться приходится.

Ким состроила гримасу и указала на планшетный компьютер, лежащий на кафедре. Туда были загружены все утренние дела. А рядом разместились небольшая стопка белых папок – эти бумаги относятся к тем, кого задержали этой ночью.

– Дело Ронни Бэгли? – уточнил Джо. – Он мой клиент.

Ким вскинула брови:

– Да ты что!

Обернувшись, кивнула мужчине и женщине, сидящим на боковых скамьях. Явно следователи, понял Джо. По одежде сразу видно. Тщательно отглаженные рубашки пастельных тонов, простые новенькие костюмы. Адвокаты носили либо старые и поношенные, либо доро-

гие в тонкую полоску. Полицейские встали и подошли к ним. Удостоверения висели на синих лентах на шее.

– Инспектор Эванс, – представилась женщина и улыбнулась. Впрочем, улыбка была натянутой. Сейчас он был для нее врагом, противником.

– Сержант Болтон, – произнес мужчина и протянул руку. Джо ответил на рукопожатие, хотя понимал, что единственная цель сержанта – продемонстрировать силу, заставив его поморщиться.

– Доброе утро, инспектор, – вежливо поздоровался Джо.

– Думала, Бэгли представляют Махоуны, – сказала Эванс.

– Уже нет.

– Не стану врать, что удивлена. Они велели ему молчать, но, если Бэгли было что сказать в свое оправдание, следовало выкладывать все и сразу. Тогда ему, возможно, не предъявили бы обвинение.

– И вы бы ему поверили, инспектор? – спросил Джо с наигранным удивлением. – В таком случае пусть прямо сейчас заявит, что невиновен, и идет на все четыре стороны.

Саркастичное замечание Джо заставило Эванс вспыхнуть. Прежде чем она успела ответить, боковая дверь распахнулась, и вошли магистраты – два пенсионера в костюмах и молодая женщина, нарядившаяся слишком гламурно для зала суда. Все встали и отвесили традиционный поклон. Потом в замке зазвенел ключ. Джо обернулся в сторону стеклянной кабины с толстыми стенками. Внутрь ввели всклокоченного мужчину лет пятидесяти, пристегнутого наручниками к охраннику. Первый алкоголик, задержанный за сегодняшнюю ночь. Помятая спортивная толстовка и штаны сразу выдали, что их владелец провел не слишком приятную ночь в камере.

Секретарь суда принялся уточнять имя и дату рождения задержанного. В этот момент Джо понял, насколько ему необходим этот Ронни Бэгли. Надо же как-то отвлечься от ежедневного копания в грязи общественного дна. Джо собрался сесть, но тут заметил, как перешептываются полицейские. Оба кивали, глядя на него. Когда они вышли из зала, у Джо возникло явственное ощущение, будто его участие в деле по какой-то причине сильно изменило ситуацию.

Глава 6

Джо поглядел на дом матери, и пальцы крепче стиснули руль. Снаружи коттедж не представлял собой ничего особенного. Обычное здание с высокими окнами и крошечным садом, подъездная дорожка тянется к обшарпанным деревянным дверям гаража. Джо знал, что ждет его внутри – праздничные украшения, торт, веселье в кругу семьи. Только все это было ненастоящим, фальшивым. Всего лишь красивая картинка, созданная, чтобы казалось, будто все в порядке, что они обычная счастливая семья. Но сами Паркеры знали, какой удар по ним нанесло убийство Элли. Папа погрузился в депрессию, да так из нее и не вышел, ища утешения на дне бутылки. Пять лет назад он скончался от инсульта. Тут выпивать с горя принялась и мама, и с тех пор дом разваливался буквально на глазах.

Родители приобрели коттедж еще во времена бума на рынке недвижимости, рассчитывая на выгодное вложение, но денег на то, чтобы содержать такой дом, у них не было. На этой улице большинство коттеджей принадлежало муниципалитету, поэтому за их состоянием следили общественные службы. Здесь же все стоки заросли травой, и, когда шел дождь, вода переливалась через край. Оконные рамы сгнили, краска облупилась. Джо пытался уговорить маму прибегнуть к помощи профессионалов, а как-то раз даже сам заявился с кистью в руке, но она отказалась наотрез. Кажется, для мамы невыносима была мысль о том, что жизнь продолжается, хотя она должна была думать не только о себе, но и о Руби.

Однако сейчас состояние дома – не самая серьезная проблема. Главное, что ожидало внутри, – вся эта игра и притворство. Джо приготовился изображать улыбку и наигранно сетовать по поводу того, что стал старше еще на один год. Так уж принято в семействе Паркер. Все праздники они отмечали вместе, будто боясь, что разбредутся в разные стороны, если перестанут собираться по торжественным датам. Впрочем, дело было даже не в этом. Причиной была Элли. Как всегда с того дня.

На Джо снова нахлынули причиняющие боль воспоминания – черное облако, вот-вот готовое задушить. День рождения для него всегда ассоциировался с попытками сдержать грусть. Джо думал, что время лечит, но потом стало только хуже. Впрочем, Джо был сам виноват. Он просто не давал воспоминаниям стереться, испытывая возмущение при мысли, что можно все забыть и просто жить дальше.

Джо глянул в зеркало заднего вида. Надо держать самую широкую улыбку наготове. Но Джо знал – стоит ему войти в родительский дом, и горе будет так же свежо, как и много лет назад. Особенно в день его рождения, годовщину с того дня, когда она умерла. Нет, неправильно. Элли не умерла. Ее убили, жестоко и хладнокровно. Но лишний раз об этом лучше не задумываться. Джо уже предвидел, что все произойдет точно так же, как и всегда раньше. Мама попытается превратить день его рождения в праздник, и, как всегда, неудачно.

Джо вышел из машины. День сегодня был теплый. В Манчестере часто бывало сыро, да и серые тучи частенько закрывали небо, принося с собой дождь, который не успели пролить в Ирландии. Это был один из тех редких дней в конце весны, когда пели птицы, а возвышавшиеся над городом Пеннинские холмы украшали пейзаж вместо того, чтобы мрачно нависать над ним. Звякнула металлическая калитка, и Джо зашагал по выложенной плитками дорожке вдоль боковой стены, как вдруг в окно выглянула сестра, Руби. Она помахала брату рукой. Джо помахал в ответ и, заметив ее силуэт сквозь стеклянную дверь, растянул губы в самой убедительной из своих улыбок. Руби была типичным тринадцатилетним подростком, жизнерадостным и нескладным. Разумеется, большая разница в возрасте с Джо постоянно давала о себе знать.

– С днем рождения! – воскликнула она, чмокнув Джо в щеку. – Думала, ты не приедешь.

– Как я мог пропустить такое? – ответил Джо, не без усилия выжав из себя смешок.

Руби схватила его за руку и потянула за собой. Когда они вошли в дом, Джо окружили знакомые с детства предметы и запахи – аппетитный аромат из духовки, кричаще яркие праздничные украшения на полке рядом с телевизором, пепельница с Мальты, колокольчик из Испании, коллекция рюмок из разных шотландских городов. На каминной полке стояли фотографии – вот он сам, вот брат, а вот Элли, его первая младшая сестра.

Джо внимательно взгляделся в снимок Элли. День его рождения всегда отмечали рано – утро посвящается Джо, весь остальной день – Элли. Она была убита в его восемнадцатый день рождения. Элли нашли в кустах неподалеку от школы, где она училась. Девочка была изнасилована и задушена. Поэтому теперь дни рождения Джо были неразрывно связаны с памятью об Элли, и с празднованием спешили разделаться как можно быстрее.

Джо поражало, до какой степени Руби стала похожа на Элли. Озорная улыбка, блеск в глазах, привычка закусывать губу. Иногда это сходство буквально заставляло врасплох. Джо каждый раз ощущал острую грусть и вынужден был напоминать себе, что Руби сама по себе, она полноценная личность и вовсе не обязана заменять потерянную сестру.

– Приехал-таки? – раздался голос брата, Сэма.

– Это же мой праздник, – обернувшись, ответил Джо. – А опаздывать сейчас модно.

Сэм коротко улыбнулся.

– Поздравляю, братишка.

Сэм был следователем, хотя сильно отличался от большинства своих коллег. Человек тихий, склонный к задумчивости. Худощавый, волосы стриг коротко, носил очки. При всем этом нрав у Сэма был горячий – брат отличался вспыльчивостью. Его можно было назвать своего рода «семейной совестью». Именно он старался всех сплотить, превращая дни рождения, праздники или просто погожие деньки, подходящие для прогулки, во что-то вроде всеобщей повинности. Паркерам приходилось послушно собираться вместе и мучительно поддерживать разговор.

– Спасибо, – произнес Джо. – А где мама?

– Готовит. Сам понимаешь, ее отвлекать не надо.

– В котором часу едете на кладбище?

– «Едете»? А ты как же?

Джо вздохнул. Опять этот старый спор.

– Мне надо работать.

Сэм ответил молчанием. Сердито взглянул на брата, подвигал шеей, словно она у него затекла, и наконец произнес:

– Один раз съездишь – не развалишься. Ради мамы.

Джо подошел ближе, чтобы не услышала Руби, и шепотом проговорил:

– Постоянно думаю об Элли, но стараюсь вспоминать дни, когда она была счастлива – например, семейные праздники, – а не тот день, когда Элли погибла. Надо, чтобы в памяти оставалось хорошее.

– Сам знаешь, что горишь полную чушь.

Прежде чем Джо успел ответить, в комнату с тарелкой сэндвичей в руке вошла мама. Когда она ставила ее на стол рядом с пирожками с мясом и яйцами в колбасном фарше, тарелка неприятно задребезжала. В последнее время руки у мамы дрожали все сильнее.

Подойдя к Джо, она слабо улыбнулась, хотя явно старалась изобразить веселье – даже слишком старалась. Джо пришлось наклониться, чтобы мама смогла дотянуться и поцеловать его в щеку. Губы были холодные, а дрожь только усилилась.

– Какой ты у меня красавец-мужчина, – проговорила мама, взяв его за руку прохладными, хрупкими пальцами. – Подумать только – моему младшему сыночку тридцать три года! Нет, представляете? Прямо старухой себя чувствую.

– Ну, на тему возраста тебе беспокоиться еще рано. Посмотри на себя в зеркало! – ответил Джо, и мама рассмеялась. Он бессовестно врал, и они оба это знали, но такие комплименты поднимали маме настроение. Джо долго казалось, будто она совсем не меняется. Одевалась мама все так же, в привычные юбки и свитеры. Стриглась одинаково коротко, менялся только цвет – начала проступать седина, которую вскоре скрыли постоянно меняющиеся оттенки светло-русого. Одни выглядели естественно, другие – нет. А теперь мама сильно постарела, стала казаться более хрупкой. Под глазами морщины, со щек не сходил нездоровый румянец. Джо понимал, что причина в алкоголе, но говорить что-либо не было смысла. Мама пила, когда ей нужно было забыться, а день рождения Джо стал для нее самым тяжелым днем в году. Мама изо всех сил старалась его порадовать, хотя Джо все время повторял, что не стоит утруждаться из-за такого пустяка. Но, если отказаться от праздника, ничто не сможет отвлечь маму от мыслей об Элли. Но продержаться весь этот день без алкоголя она была не в состоянии.

– Пойдем, – вмешалась Руби и усадила Джо в кресло у камина. Несмотря на теплый майский день, внутри теплился огонь. Джо послушно сидел, где велено, пока вся семья хором пела «С днем рождения тебя». Ради Руби Джо старательно изображал радость. Потом сестра выбежала из комнаты и вернулась с маленькой стопкой подарков. Открывая их, Джо демонстрировал оживление, смеялся шуткам на открытках и не забыл поблагодарить за каждый презент. Рубашка, кружка, пиво, носки.

– С днем рождения, – произнесла мама. По щеке ее скатилась слеза.

– Мне скоро ехать, – предупредил Джо и невольно поморщился, когда в маминых глазах на секунду промелькнула боль. Он тут же пожалел, что нельзя забрать свои слова обратно, однако было уже поздно.

– Ну и кто же этот очередной проходимец, который для тебя важнее семьи? – поинтересовался Сэм.

– Что за вопрос? Ты, в отличие от меня, сегодня не работаешь, – со вздохом ответил Джо. – Хоть один денек побудь человеком, а не полицейским. Вдруг втянешься?

– Да-да, а теперь расскажи, что преступники – обычные люди, такие же, как мы с тобой...

– Хватит, закрыли тему.

– При мне твои драгоценные клиенты показывают истинное лицо. Надеваешь наручники – в диких зверей превращаются. А тебе демонстрируют кротость и смирение, умоляют выпустить под залог и все в таком духе.

– Тем не менее они продолжают оставаться людьми.

– Мальчишки, не ссорьтесь, – взмолилась мама.

Оба заулыбались, будто все это была шутка, безобидная братская ссора из-за пустяка. В детстве пускали в ход кулаки, а когда повзрослели, драки сменились спорами.

– Ну конечно, работа Джо важнее, чем моя, – проворчал Сэм.

– У Джо и вправду важная работа, – парировала мама. – И я им очень горжусь.

Сэм плотно сжал челюсти. Он сажал преступников под замок, Джо выпускал их на свободу, но в маминых глазах успех измерялся ценой костюма, а не благородством карьерного поприща.

– Я еще заеду, обещаю, – сказал Джо.

Мамина улыбка сделалась еще более искусственной. Она понимала, что Джо хочет уклониться от поездки на кладбище. Тут у Сэма зазвонил телефон. Брат отвернулся, однако Джо наострил уши.

– У меня выходной, – произнес Сэм. Некоторое время помолчал, а когда снова заговорил, голос звучал гораздо напряженнее. – Приеду, как только смогу.

Сэм снова повернулся к родным, и Джо спросил:

– Что случилось?

Бросив взгляд на телефон, Сэм ответил:

- Срочно вызывают. Хотят обсудить дело об убийстве.
 - Ты же, кажется, в отделе экономических преступлений служишь?
 - Верно, – подтвердил Сэм.
 - Тогда при чем тут убийство?
 - Не знаю.
- Так и не дождавшись более подробного ответа, Джо потянулся за сэндвичем и произнес:
- Досадно, когда работа спутывает все планы, правда?

Глава 7

Глядя в зеркало заднего вида, Сэм Паркер поправил галстук, однако в результате тот сбился еще сильнее. Он попробовал еще раз и наконец справился. Сэм был не готов ехать на службу сразу же после того, как они посетили могилу Элли, но инспектор из отдела убийств был очень настойчив. Отказываться было нельзя. На самом деле их недавно переименовали в отдел особо тяжких преступлений, однако те, кто в нем служил, предпочитали старое название – по их мнению, звучало внушительнее.

Сэм окинул взглядом полицейский участок Стэнмосс. От старого здания из красного кирпича с двух сторон отходили два крыла. Стены участка опоясывали полосы из песчаника, напоминающие золотые ленты. Впрочем, золото это производило впечатление старого и тусклого. Вдобавок за десятилетия кирпич впитал достаточно копоти от выхлопных газов. Сэм приказал себе сохранять спокойствие. Возможно, от него не потребуется ничего особенного. Но, если дело об убийстве требует финансового расследования, это прекрасная возможность отличиться перед начальством.

Но лучше бы его вызвали в другой день. С первого дня на службе Сэм шел к этой цели, возможности поработать с отделом убийств, однако свежие воспоминания о кладбище стирали ощущение триумфа. Он попал сюда только из-за Элли. Младшая сестра, которую Сэм в последний раз видел утром, перед отъездом в университет. Милая, хоть и немного настырная пятнадцатилетняя девочка, чью жизнь отнял человек, которому до нее не было ни малейшего дела. Сэм понимал, что это звучит избито и банально, однако в память об Элли он решил посвятить жизнь борьбе за справедливость. В память о сестре и таких, как она.

Сэм сделал еще один глубокий вдох. Вовсе не из-за чего волноваться. Обыкновенное дело, ничего особенного. Расследования убийств и мошенничеств не так уж сильно отличаются друг от друга. И в том и в другом случае нужно обращать внимание на все необычное, отклонения от рутины. Например, у подозреваемого выросли или сократились траты. Или он начал ездить на работу другим путем.

Сэму пришлось повидать самых разных мошенников. Ловить их трудно, однако работа неблагодарная. Преступники, конечно, оказывались в тюрьме, но совсем ненадолго. Иногда создавалось впечатление, будто дело того стоит. Например, когда долгие часы изучения документов помогали обнаружить дома, купленные благодаря тому, что злоумышленникам удалось отмыть незаконно нажитые деньги. Таким образом, в результате преступник терял то, ради чего затеял аферу. Однако чаще всего приходилось иметь дело с заядлыми игроками, всеми правдами и неправдами добывающими деньги на свою зависимость, или брачными аферистами. Возможно, Сэму в кои-то веки перепадет что-то серьезное, настоящая работа, ради которой он и поступил служить в полицию. За сестру, за Элли.

Вдруг зазвонил телефон. Сэм вздрогнул. Номер был засекречен. Сэм всерьез подумывал о том, чтобы проигнорировать звонок, поскольку догадывался, что услышит, если ответит, – одно и то же повторялось несколько недель. Однако свидетелям Сэм давал именно этот номер, и на всякий случай пришлось ответить.

– Детектив констебль Сэм Паркер.

Тишина. Сэм понадеялся, что услышит рекламную запись – скажем, рекламу страховки или что-то в этом роде. Но нет – как всегда, знакомые звуки. Борьба, крики, приглушенное пыхтение, потом вопль, прерванный пощечиной, и всхлипывания. Сэм дал отбой и сунул мобильник обратно в карман. Все это явно была запись – должно быть, взяли из какого-нибудь фильма ужасов вроде тех, которые крутят по телевидению после полуночи. Сэм относился к подобным проявлениям враждебности философски – полицейскому ничего другого ожидать не при-

ходится. Сэм лишил многих мерзавцев заработанных нечестным путем денег, и вполне естественно, что многие точили на него зуб.

Бывало, не звонили по несколько дней, зато потом – регулярно по четыре-пять раз подряд. Запись всегда была одна и та же. Сэм вышел из машины, рассудив, что солнечная погода поможет ему взбодриться. Снова взглянул на свое отражение и зашагал к входу в участок. На нем был строгий серый костюм, голубая рубашка и синий галстук – нарочно заскочил домой переодеться. Вырядился, будто на собеседование – впрочем, именно так Сэм себя и чувствовал.

Когда дверь за ним захлопнулась, по коридору разнеслось гулкое эхо. Сэм направился вперед по коридорам с высокими потолками, освещенными грязными, пропылившимися линейными лампами. Батареи были покрыты облупившимися слоями краски разных лет. Сэм искал, где здесь оперативный штаб расследования, но, куда ни заглядывал, везде было пусто. Большинство кабинетов использовались как складские помещения. Стоявшие друг на друге коробки возвышались до потолка, а столы были разобраны, точно их вот-вот собирались выносить. Сэм уже стал гадать, не розыгрыш ли этот вызов, но тут услышал тихий гул голосов. Он пошел на звук и, свернув за угол, увидел впереди открытую дверь, за которой собрались люди в рубашках и галстуках. Видимо, это и есть отдел убийств.

Нервно сглотнув, Сэм подошел ближе, потом постучал. Все повернулись в его сторону. Внутри теснились рабочие столы, на всех мигали экраны компьютеров, отбрасывая голубой свет на папки и блокноты. На стенах и белых досках для объявлений висели листы бумаги, на которых зеленым фломастером были торопливо записаны какие-то даты и имена. Все молчали, поэтому Сэм заговорил первым.

– Я детектив констебль Паркер. У меня назначена встреча с инспектором Эванс.

Все посмотрели в дальний угол, туда, где по телефону разговаривала женщина. Мельком глянув на Сэма, она продолжила разговор. Сэм воспользовался представившейся возможностью и принялся изучать окружающую обстановку. На стенах висели плакаты с фотографиями четырех девочек подросткового возраста, двоим не было и восемнадцати. Сэм сразу узнал эти лица – их можно было увидеть в каждом полицейском участке страны. Но здесь они как-то по-особенному бросались в глаза, особенно рядом с другими фотографиями и плакатами.

Сэм подошел ближе. Казалось, звуки в штабе стихли. Ему стало невыносимо грустно при мысли о том, что сейчас переживают родные девочек. Все четверо из разных районов Манчестера, друг с другом незнакомы. Пропали, предположительно убиты. Последняя исчезла два месяца назад. Между этими происшествиями определенно есть какая-то связь. Вопрос лишь в том какая.

Выглядели все по-разному. Две белые – одна высокая с рыжими волосами, другая – с длинными темными кудрями. Потом чернокожая девочка – всего пятнадцать лет, но из-за не по-детски кокетливой улыбки кажется старше. И наконец, индианка с густыми, блестящими черными волосами. Что же между ними общего? Что упустила полиция?

За спиной у Сэма раздались шаги. Инспектор Эванс. Сэм обернулся. Это была худенькая, миниатюрная женщина с коротко подстриженными седыми волосами и улыбкой, от которой веяло суровостью.

– Сэм Паркер?

– Да, – кивнул он, и, заметив, как у собеседницы недовольно раздулись ноздри, поспешно прибавил: – Мэм.

– Я Мэри Эванс, – представилась она. – Можно просто Мэри. Спасибо, что все-таки приехали.

– Извините, – пробормотал Сэм, досадуя по поводу своего опоздания. – У меня сегодня выходной...

– Ну ладно, главное, что вы здесь. Следуйте за мной.

Пройдя мимо Сэма, Мэри покинула оперативный штаб и зашла в меньшее по размеру помещение, расположенное дальше по коридору. Судя по всему, оно служило ей кабинетом. На столе стояли заляпанная чашка из-под кофе и фотография молодой женщины в рамке. Кабинет производил впечатление временного – возле картотечного шкафчика высилась стопка потемневших от времени папок. Видимо, принадлежали они предыдущему владельцу. Бумаги на столе были разбросаны кое-как, и Сэм с трудом подавил желание сложить их в аккуратную стопку, чтобы инспектору Эванс было удобнее читать.

– Садитесь. – Она указала на стул, который, казалось, вот-вот готов был развалиться. По крайней мере, ножки уже начали разъезжаться в разные стороны. И точно – стоило Сэму сесть, и стул опасно качнулся. Несколько секунд инспектор не сводила с него внимательного взгляда, от которого так и хотелось ерзать на сиденье.

– Собираетесь поговорить о четырех пропавших девушках? – предположил Сэм. – Я видел фотографии в штабе.

– Нет, – ответила инспектор Эванс. – Слышали про Ронни Бэгли?

Сэм мысленно перелистал папки в собственном картотечном шкафчике. Так люди просматривают адресную книгу. Однако не мог припомнить никого с таким именем и стал перебирать мошенников и растратчиков, с которыми имел дело на протяжении предыдущих лет. Наконец покачал головой:

– Нет, мэм.

– Это клиент вашего брата.

От неожиданности Сэм растерялся:

– Джо?

– Да, Джо Паркера. Он ведь адвокат по уголовным делам, верно?

– Да. Раньше работал в «Махоунс», теперь – в «Ханиуэллс», – Сэм нахмурился. – Только при чем здесь я?

Эванс ответила не сразу. Она молча смотрела на Сэма, будто хотела поставить на место и напомнить, кто тут главный.

– Нужно, чтобы вы узнали у него кое-какую информацию, – наконец произнесла инспектор Эванс.

– О чем?

– Об одном из его клиентов.

Сэм округлил глаза:

– Предлагаете шпионить за братом?

– Ну, если предпочитаете такую формулировку...

Сэм шумно вздохнул. Вряд ли продолжение беседы окажется более приятным, чем начало.

Глава 8

Джо заехал за Моникой в офис, и оттуда они сразу отправились в тюрьму. По дороге Джо пытался поддерживать разговор, чтобы отвлечься от нахлынувших мыслей о смерти Элли, и у него получилось. Моника, как и многие начинающие юристы, фонтанировала энтузиазмом – Джо и сам когда-то был таким. Ему нравились бойкие вопросы девушки, ее жизнерадостность и улыбочка.

Однако по мере приближения к тюрьме Стрэнджуэйс настроение испортилось снова. Это было старинное здание из красного кирпича, огороженное высокими стенами. По сравнению с прежними временами тюрьма сильно изменилась. Раньше она была переполнена, вдобавок заключенных постоянно сажали в карцер, и закончилось дело тем, что они захватили власть в тюрьме и удерживали ее двадцать пять дней. Конечно, теперь порядки были не такие суровые, однако здание угрюмой тенью нависало над главным шоссе, ведущим в город. Корпуса расходились в стороны от центра, точно спицы на велосипедном колесе, а снаружи стены обложили новыми кирпичами, дабы придать строениям современный вид. Около дороги построили специальный новенький центр для посетителей. Но все это был лишь поверхностный слой глянца – внутри оставалось все так же по-викториански мрачно. Башня и корпуса, располагающиеся подальше от главных ворот, сохранили прежний исторический облик. Потрескавшаяся, поцарапанная кирпичная кладка хранила воспоминания о былых казнях и бунтах.

В последнее время Джо редко приходилось бывать в тюрьмах. Эту обязанность почти целиком взяла на себя Джина. Но горький опыт научил, что, разговаривая с заключенным, нельзя верить ни слову. Как-то клиент заявил, что готов признать себя виновным. Оказавшись за решетками и замками, этот человек готов был на все, лишь бы поскорее вырваться на свободу. Известили прокурора, свидетелям сообщили, что их присутствие на процессе не понадобится. Но, пообщавшись пару дней с юристами-самоучками из соседних камер, клиент передумал и вдобавок сменил адвоката. В тот раз судья глядел на Джо с откровенным пренебрежением. Впрочем, все адвокаты совершают ошибки. Но настоящие профессионалы не повторяют совершенную однажды ошибку.

Однако этот визит отличался от других. Джо должен был не только выслушать историю Ронни Бэгли, но и постараться удержать клиента. Ронни уже отказался от услуг одной фирмы. Джо не должен был допустить, чтобы то же самое повторилось и с ним.

– Жуткое место, – пробормотала Моника, обводя взглядом стены. – Даже когда на автобусе проезжаешь, мурашки по коже. Терпеть не могу.

Джо взглянул на нее. Интересно, что ей так не нравилось – архитектурные особенности или тот факт, что здесь находится в заключении столько народу?

– Ничего не поделаешь, привыкай, – ответил Джо. – Тебе частенько придется здесь бывать. – Он улыбнулся: – Тут разворачиваются любопытнейшие драмы, сама увидишь. И вообще, почти все, кто сюда попал, получили по заслугам. Поверь, в судах редко встретишь невинных, вопрос только в степени вины.

Проходя через сканер и проверку охраны, сверлившей всех посетителей суровыми взглядами, Джо и Моника сохраняли молчание. Потом их отвели наверх, в помещение, отведенное для встреч с адвокатами. Внутри располагались два ряда стеклянных будок. Таким образом адвокаты были избавлены от шума, царившего там, где принимали членов семей – те, кто навещал мужей и отцов, старались извлечь из встречи все возможное и за час наговориться на всю неделю. Однако адвокатам доверяли не настолько, чтобы оставлять их наедине с подзащитными. Все будки отлично просматривались, и охранники не дремали. Впрочем, Джо их отлично понимал. Среди его знакомых многие предпочитали не нарушать правила, однако хва-

тало и тех, кто готов был пойти на что угодно, только бы не потерять клиентов. А иначе каким образом в тюрьмы попадает столько наркотиков?

Джо побарабанил пальцами по столу. Мимо с папкой под мышкой прошла молодая женщина в короткой юбке. Сотрудница «Махоунс». Специально таких набирают – молодые, хорошие, единственная обязанность – сопровождать адвокатов. В уголовном праве смыслят мало, зато клиенты возвращаются в камеру в приподнятом настроении. Увы, тут Джо конкурировать не мог.

– Что вы скажете Ронни Бэгли? – спросила Моника.

– Узнаю его версию событий.

– Вам уже что-нибудь известно об этом деле?

– В общих чертах. Бумаги получил и даже кое-что прочел, но, прежде чем ознакомиться с подробностями, хочу выслушать самого Бэгли. Потом проверим, насколько сходятся два варианта.

– Неужели это обычная практика? Я думала, сначала мы займемся показаниями свидетелей. Ведь сторона обвинения должна еще доказать виновность Бэгли.

– С делами об убийствах проблема в том, что их так просто не закроешь, – пояснил Джо. – Во всех остальных случаях виновный отсидживает срок, а потом все преспокойно занимаются своими делами. Но когда речь идет об убийствах, есть еще родные и близкие жертвы. Есть преступник, на которого давит бремя вины за совершенное. Или пятно на репутации, если он невиновен. Поэтому постоянно подаются апелляции, дела пересматривают снова и снова. Ты уже и думать про них забыл, а они вдруг выныривают в Апелляционном суде. И понеслось – начинают разбирать совершенные тобой ошибки. Обстоятельства, которые ты упустил, детали, в которых не разобрался. Первым делом адвоката начинают обвинять в том, что плохо представлял интересы подзащитного. Заявляют, будто ты исказил их слова. Так что надежнее будет с самого начала узнать всю историю из первых рук.

Прежде чем Моника успела спросить что-то еще, открылась дверь в другой части комнаты, и внутрь вошел охранник, а следом за ним – Ронни Бэгли. Глаза беспокойно бегают, плечи опущены. Казалось, он хотел спрятаться, укрыться от чужих взглядов. Впрочем, в первый день в тюрьме все стараются не привлекать к себе внимания. Когда Ронни Бэгли подвели поближе, Джо прочитал в его взгляде страх. Бэгли был вовсе не похож на опасного человека, никакой угрозы от него не исходило. Хотя чему удивляться, подумал Джо. Он повидал достаточно преступников, чтобы знать – не существует какого-то определенного типа убийцы. Иногда чем спокойнее кажется человек, тем он опаснее – настоящее зло не кричит о себе во всеуслышание.

Охранник открыл дверь стеклянной будки. Ронни кивнул в знак благодарности и сел за стол.

– Как поживаете, Ронни? – спросил Джо.

– Плохо, – ответил тот и покачал головой. – Для меня сегодня устроят что-то вроде ознакомительной экскурсии. Спрашивается, зачем? Почему нельзя просто посадить человека в камеру и оставить его в покое?

– Крепитесь, – посоветовал Джо. – Будем готовиться к заседанию суда. Я договорился, чтобы рассмотрение вашего дела назначили на завтра. К тому времени я должен знать все подробности.

– Какой смысл возиться? – произнес Ронни.

– Предпочитаете просто сдаться? У вас нет времени себя жалеть. Можете считать, что здесь я ваш единственный друг, поскольку остальным глубоко плевать, что с вами будет. Поэтому расскажите о случившемся. Понимаю, в тюрьме легко погрузиться в уныние, но старайтесь не поддаваться.

Обдумывая слова Джо, Ронни крепко сжал челюсти.

– Охранники смотрят на меня, как на полное дерьмо. – Глаза Ронни наполнились слезами. – Я их не убивал. Я не убийца. Но меня все равно не выпустят, да?

– Вам предъявлено очень серьезное обвинение. Вряд ли вам удастся выйти отсюда до суда.

– Сами, значит, вернетесь в свою роскошную квартиру, а я майся еще одну ночь на тюремной койке. Я никого не убивал.

– Таков закон, Ронни. Правила не я придумал. – Джо взял ручку и демонстративно щелкнул ею. – А теперь объясните, почему все думают, что вы виновны в убийстве?

– Наверное, кроме меня подозревать некого. И вообще, тел же не нашли! Почему они решили, что это убийство? Какое может быть убийство, когда нет тел. Правда?

Джо покачал головой:

– Необязательно. Ну, рассказывайте. Мне нужно знать все от начала и до конца.

Глава 9

– Значит, вас смущает просьба шпионить за братом? – уточнила Эванс.

Сэм чуть не рассмеялся. Еще бы его это не смущало. Он сдвинул очки на переносицу.

– Понимаю, вы к нему симпатии не испытываете, ведь Джо помогает преступникам, – ответил Сэм. – Но использовать его, чтобы добыть информацию?.. Это как-то... нехорошо.

– Знаете, что на самом деле «нехорошо», Сэм? Когда люди вроде Ронни Бэгли расправляются с сожительницей и ребенком, но избегают наказания. И почему? Потому что люди вроде вашего брата делают все, чтобы убийцы ускользнули от правосудия.

Сэм в значительной степени разделял чувства инспектора Эванс, он и сам часто спорил с Джо на эту тему. Но речь идет о его брате, и Сэм не собирался его предавать.

– Я не имею права учить Джо, как ему жить. Мы обсуждали этот вопрос, и Джо гордится своей работой, а я горжусь им, мэм. Джо добился успеха в своей области.

– Но?..

– Вас я тоже могу понять.

– Так и знала, что будет какое-то но.

Сэм задумчиво помолчал и наконец произнес:

– Я по-своему восхищаюсь достижениями Джо, но жалею, что он не выбрал другой путь.

Юрист ведь может стать и прокурором.

– Стало быть, вы сажаете преступников в тюрьму, а ваш брат их оттуда выпускает.

– Что-то вроде того.

– По-моему, ситуацию пора менять, – объявила Эванс. – Много раз имела дело с вашим братом. Понимаю, в вас говорит семейная преданность, но Джо Паркер считает, будто ему закон не писан. – Сэм хотел возразить, но Эванс предостерегающе вскинула руку. – Знаю, этим страдают многие адвокаты, но ваш брат превзошел всех.

– Хорошо, а я здесь при чем?

Эванс подалась вперед.

– Ронни Бэгли – убийца. Он убил сожительницу и собственного ребенка прямо у них в квартире, а потом каким-то образом избавился от тел. Мы их так и не нашли. Должно быть, Бэгли убил дочь, чтобы полиция решила, будто сожительница просто ушла от него. Конечно, мы добились, чтобы завели уголовное дело, но, если тела все-таки обнаружат, будет гораздо проще.

– Значит, Бэгли совершил убийство, но тела отсутствуют?

– Да. Сами понимаете, как важно их отыскать. Вы же не хотите, чтобы Ронни избежал наказания просто потому, что хорошо их спрятал, верно?

Сэм прикрыл глаза, чувствуя, как в душе нарастает разочарование, однако связано это чувство было не с ним самим, а с Джо.

– И чего же вы от меня хотите? – тихо спросил Сэм. Он уже догадался, к чему ведет инспектор Эванс. Ситуация складывалась в высшей степени неприятная.

– Мы думали, интересы Бэгли в суде будут представлять Махоуны, – ответила Эванс. – Но сегодня утром оказалось, что защищать его будет ваш брат.

– Откуда вы знаете?

– Мы сами там были. Сейчас Джо Паркер отправился к нему в тюрьму.

Сэм прижал ладони ко лбу. Разочарование сменилось гневом. Так вот почему Джо не поехал на кладбище – торопился на встречу с убийцей.

– С вашей помощью, Сэм, мы можем укрепить позиции обвинения. Через вас мы получаем доступ к сведениям, которыми располагает только адвокат Бэгли. Мы должны найти тела.

Сэм покачал головой:

– Джо мне ничего не скажет.
– Ах вот как? Значит, проблема в добропорядочности вашего брата, а не в вашей?
– Не понимаю, о чем вы.
– Вы говорите, что брат вам не скажет, хотя с таким же успехом могли бы заявить, что просто не станете спрашивать.

– Мэм, это несправедливо...
– А справедливо убивать женщину в ее собственном доме? Женщину и ребенка? Вы же знаете брата, наверняка его можно как-то разговорить. Наверное, раньше вы просто не задавали правильных вопросов.

– Но пользоваться доверием брата?..
– Все адвокаты выбалтывают лишнее, особенно когда общаются с коллегами... или с полицейскими, – перебила инспектор Эванс. – С этой стороны подвоха не ждет никто. Все делится байками. – Сэм опустил голову, и Эванс снова подалась вперед. На этот раз голос ее зазвучал мягче. – Понимаю, вам предстоит принять непростое решение, но помните, на чьей вы стороне. Какова ваша цель – исполнить долг или выгородить клиента брата? А как насчет несчастных жертв?

Сэм поднял голову.

– Значит, вы только за этим меня позвали?
– Не пойму, к чему вы клоните.
– Думал, хотите пригласить меня в команду. Уже приготовился перейти в ваш отдел.
– Значит, вы этого хотите?
– Всегда мечтал. Но не такой ценой.

Эванс снова откинулась на спинку вертящегося кресла. Внимательно прищурившись, выдержала паузу и наконец произнесла:

– В расследовании вы можете участвовать только неофициально.
– Это еще почему?
– Судите сами. Что, если Ронни Бэгли признают невиновным и все узнают, что в деле принимал участие брат защитника? Представьте, какой скандал начнется.
– И в каком же качестве я буду выступать?
– Просто в качестве добросовестного полицейского, который сразу докладывает куда следует, когда узнает что-то важное. – Инспектор Эванс достала из верхнего кармана жакета маленькую серебряную визитницу, открыла, вынула карточку и протянула Сэму: – Звоните по любому поводу, даже если Джо Паркер упомянет имя Бэгли мимоходом. Запоминайте каждое слово.

Сэм повертел визитку в руке.

– А если откажусь?
– Ваше право, но тогда испортите репутацию и окажетесь в черном списке. Не советую так поступать, Сэм. Подумайте о карьере.

Не веря своим ушам, потрясенный Сэм уставился на инспектора Эванс, но та ответила невозмутимым взглядом. Сэм поднялся на ноги и, пытаясь сдержать возмущение, произнес:

– Я могу идти, мэм?
– Если мы друг друга поняли – да.

Сэм кивнул:

– Поняли.

Выйдя из кабинета, он заглянул в дверь оперативного штаба. Никто не посмотрел в его сторону. Для них Сэм был чужаком. Он отвернулся и с раскрасневшимся от гнева лицом быстрыми шагами поспешил прочь. По пути Сэм хлопнул всеми попавшимися по дороге дверьми.

Глава 10

Ронни Бэгли смотрел на свои руки, продолжая потирать большим пальцем ладонь. Когда снова поднял голову, заговорил:

– Неизвестно, что с ней случилось. Как я мог ее убить, если она вполне может оказаться где-то живая и здоровая? Да, меня обвинили в убийстве, но это же еще не значит, что меня признают виновным, правда?

Джо поджал губы. В таких случаях отсутствие трупа – не помеха, однако это обстоятельство существенно затрудняет работу обвинению.

– Присяжные любят загадочные преступления, особенно убийства, – ответил Джо. – Кому не хочется поиграть в детектива и самому найти разгадку! Это вам не ограбление и не драка в пабе. Сторона обвинения считает, что убили двух человек. Если им удастся убедить присяжных, те, конечно, захотят наказать убийцу. Единственный выход – доказать, что вы не убийца, иначе приговора не избежать.

– А я-то думал, что человек считается невиновным, пока не будет доказано обратное.

– Презумпция невиновности? Ну да, такова теория, но к практике она не имеет ни малейшего отношения. Помните, присяжные – обычные люди, такие же, как мы с вами, и они не хотят, чтобы злодей ушел безнаказанным. Придется затратить много труда, чтобы вас признали невиновным. Так что рассказывайте. Начните с того дня, когда в последний раз видели Кэрри.

Ронни сделал глубокий вдох и сглотнул. Бэгли явно нервничал, но почему, Джо понять не мог – то ли воспоминания слишком болезненные, то ли он умелый притворщик, репетирующий жалобную речь перед судом. Джо оглянулся на Монику. Та сидела подавшись вперед. Еще бы, ведь это ее первое серьезное дело.

– Кэрри на меня кричала, – начал Ронни, вытирая глаза. – Она вообще часто скандалы закатывала. Квартира у нас на первом этаже, дом – развалюха, район – убогая дыра. Работа у меня была, но денег вечно не хватало. А еще Кэрри много пила, даже когда ребенок родился. Наверное, алкоголичкой была.

– *Была* алкоголичкой?

– В смысле?

– Вы сказали «*была*», в прошедшем времени. А надо было в настоящем.

– Ну, вы же поняли, – мучительно покраснев, пробормотал Ронни.

– И присяжные поймут. Прокурор про эту вашу оговорку каждые пять минут напоминать будет. И в заключительную речь ее включит, чтобы присяжные уж точно внимание обратили. Используют ваши слова как доказательство, что Кэрри и Грейс нет в живых, и вы об этом знаете. Вот так – одна крошечная деталь, неудачно построенная фраза, и вас приговаривают к пожизненному.

Ронни понимающе кивнул и продолжил:

– Сплошная ругань, с утра до вечера. Кэрри давно бы ушла, если бы не Грейс. Она меня не любила, я знаю.

– *Не любит*, Ронни, *не любит*.

Ронни поморщился.

– А вы ее любите? – спросил Джо.

– Словами не передать как. – Тут голос у Ронни задрожал. Он вытер слезы, потом продолжил: – Я ей вреда не желал... Кэрри для меня все. Красивая, веселая, и... ну, вы понимаете.

– Сколько ей лет?

– Тридцать.

– Ну-ка, расскажите поподробнее о скандалах. Почему Кэрри на вас кричала?

– В основном из-за денег. Сами знаете, как это бывает. Кэрри была... – Ронни запнулась. – Кэрри на деньгах прямо заиклена. Оформляет кредитные карты во всех банках подряд, и давай скупать всякое барахло – шмотки, туфли... Любит, чтобы на улицах все шеи сворачивали. Счета потом приходят километровые, а ведь надо еще продукты покупать, за квартиру заплатить. Вчера утром надо было за электричество плату внести, а денег нет. Тут Кэрри принялась орать, что это я виноват, на жизнь зарабатывать не умею, вот и сидим без гроша. А я не меньше других в дом приношу, но она же все пропивает! До того дошло, что с утра первым делом за бутылку хватается. Шмоток-то красивых у Кэрри полно, а сама до того опустилась – смотреть страшно.

– Похоже, вы к ней не слишком хорошо относитесь.

– В смысле?

– Вы испытываете к ней некое влечение, но как человек Кэрри вам не особо симпатична. Можно даже предположить, что вы ее ненавидите.

– Не настолько же, чтобы убить!

Джо сделал кое-какие пометки.

– Я просмотрел ваше дело, в том числе показания некого Тэрри Дэя. Он рассказал полиции о ваших ссорах. Кто этот человек?

– Наш квартирный хозяин. Живет в том же доме, только на верхнем этаже. Мерзкий тип, прямо мурашки по коже. Вечно терся перед домом и на улицу пялился. Зачем, непонятно. Ну и конечно, сразу доложил полицейским, что мы ругаемся.

– Только не называйте его мерзким типом на суде, – предупредил Джо. – Иначе вас сочтут агрессивным, а вам это не надо. Демонстрируйте святую невинность, присяжные должны решить, что произошло недоразумение.

Ронни кивнул и продолжил:

– В общем, мы поцапались, а потом я ушел на работу.

– И где вы работаете?

– Что-то вы ничего не знаете. – Ронни перевел взгляд на Монику, потом опять на Джо. – Махоуны разве не сказали?

– Хочу услышать всю историю от вас. На вопросы в суде отвечать будете вы, а не я. Так что тренируйтесь.

– Вы меня все время подловить пытаетесь.

– Это еще что, Ронни! Подождите, когда вас прокурор подлавливать начнет, вот тогда узнаете. Хватит жалеть себя. Рассказывайте.

Ронни скрестил руки на груди.

– Вы мне не верите, я же вижу. – Он повернулся к Монике: – А вы? Как по-вашему, похож я на убийцу?

Прежде чем Моника успела ответить, Джо подался вперед и, понизив голос, произнес:

– Вас не должно волновать наше мнение, Ронни. Даже если бы я считал вас хладнокровным злодеем, защищал бы точно так же, как невиновного. Поймите, моя задача не в том, чтобы поднять вам настроение, а в том, чтобы выиграть дело.

– Тип из «Махоунс» то же самое говорил.

Джо намек понял – последнего, кто это сказал, отстранили от дела. Он встал.

– Мы уходим, – сказал Джо Монике, и она тоже поднялась со стула. Джо принялся укладывать бумаги обратно в портфель.

– Вы куда? – испуганно округлил глаза Ронни.

– Если нужен адвокат, который будет за ручку держать и жалеть вас, несчастного, ищите кого-нибудь другого. Потом пожалеете – уж на что, на что, а на это времени у вас будет достаточно.

– Стойте! – воскликнул Ронни.

– Зачем? Снова начнете умолять, чтобы мы вам поверили? Меня интересует только одно – как выигрышно представить дело в суде.

Джо подал Монику знак, что пора идти. Но Ронни поспешно вытянул руку и ухватил Джо за портфель.

– Я вас очень прошу, не бросайте...

Джо выдержал паузу. Блеф сработал.

– Хорошо, только учтите – правила устанавливаю я. Делайте, что говорят. Я ваш адвокат, а не совесть, которую надо успокоить.

Несколько секунд Ронни дулся молча, потом тихо произнес:

– Ладно... Извините. Работаю я на упаковочной фабрике, на конвейере. Платят не особо много, потому и жили в этой халупе.

Джо внимательно взглянул на него и сел.

– Продолжайте.

Некоторое время Ронни сидел молча, уставившись на Джо и сжав губы. Наконец заговорил:

– Бригадир ругался, что я ушами хлопаю.

– А вы хлопали?

– Вроде того.

Джо откинулся на спинку стула и положил ручку на стол.

– Ответ не слишком убедительный. Поясните, что означает «вроде того».

– Вы прямо как эти...

– Кто – эти?

– Полицейские, – ответил Ронни. – Ну, ронял я коробки, не успевал вовремя на ленту ставить, вот и приходилось конвейер останавливать. Заказ выполнить не успевали, бригадир и психанул.

– Да, хорошего мало. Прокурор постарается использовать вашу рассеянность как аргумент в свою пользу.

– Да я просто не в настроении был. Говорю же – поцапались перед работой.

– Вы ведь упоминали, что ссоры для вас с Кэрри – обычное дело. И чем же это утро отличалось от других?

Ронни уставился на столешницу и принялся нервно потирать руки. То открывал рот, то опять закрывал. Наконец поднял глаза и выговорил:

– Крикнул, что убить ее хочу, а потом... э-э... ударил.

Ронни покосился на Монику, но поспешно отвел взгляд, покраснев от стыда. Джо на секунду прикрыл глаза. Так вот почему Ронни решил сменить адвоката – ему сказали, что позиция обвинения слишком сильная, самое время признаваться, где спрятал тела, и рассчитывать на послабление за чистосердечное признание.

– Значит, между вами произошел не просто обычный спор? – уточнил Джо, снова открыв глаза.

– Да, только учтите, я ее раньше никогда не бил, и пальцем не трогал, – продолжил Ронни, лихорадочно переводя взгляд с Джо на Монику и обратно. – Конечно, я ей много всякого говорил, и «убью» орал, но это же просто слова были. Это же не значит, что я ее правда прикончил.

– Расскажите, почему вы ударили Кэрри.

– Ну, что тут скажешь? Разъярился, сам себя не помнил. Она мне в лицо всякие гадости вопила, вот и дал ей в нос. Потом кровь во все стороны... На стене, на камине... А больше всего там, где она упала.

– Вы вытерли следы?

– Да, хотя уже на работу опаздывал. Мне тогда очень стыдно было, что так сорвался. А когда домой пришел, ее уже не было.

- И что, никакой записки? Или сообщения на телефоне?
- Нет.
- В доме еще кто-нибудь живет?
- Нет, только мы на первом, и квартирный хозяин на третьем. А квартира на втором пустая стоит.
- Как вы поступили, когда вернулись домой и обнаружили, что Кэрри нет?
- Подумал, опять по магазинам потащилась или к матери поехала – мало ли. Она иногда так делала – сваливала, не предупредив. Только в этот раз все было по-другому. Я же ее стукнул.
- Вы что-нибудь предприняли, чтобы разыскать Кэрри?
- Сначала ничего. Стыдно было. А потом беспокоиться начал, время-то идет. Матери ее набрал, всех подруг обзвонил – нигде нет...
- Давно это произошло?
- Три недели назад. Кэрри и Грейс забрала, не представляю, как она там одна с ребенком... Короче, совсем с катушек съехал, прямо дурной стал. В голову всякие страшные мысли полезли, да такие убедительные, что не отмахнешься. Даже подумал... – Ронни глубоко вздохнул, собираясь с духом. – А вдруг я улизнул с фабрики пораньше, вернулся домой да и прикончил ее, а теперь ничего не помню?
- У вас есть основания подозревать, что все так и было? – спросил Джо. – Страдаете какими-то заболеваниями? Раньше случались провалы в памяти?
- Ну, иногда. Когда разнервничаюсь, будто отключаюсь. Ничего потом не помню.
- А другие что говорят? Вы проявляли агрессию во время этих ваших отключек?
- Вроде нет. В голове не укладывается, что мог кого-то прикончить, даже в таком состоянии. А вдруг было дело?.. Попробуй вспомни. А тут еще Грейс. Так за дочку боялся, сил нет... Вот и свалил дурака.
- Меня терзают дурные предчувствия...
- Пошел в полицию и заявил, что убил Кэрри.
- Джо не смог скрыть удивления:
- Сами?!
- Говорю же, со страху сам не свой был. И вообще, я же не знал наверняка. Вот и... – Ронни покачал головой.
- Не припомните, что именно вы говорили в полиции?
- Ронни шумно выдохнул:
- Нет. Все как в тумане. Сказал – кажется, убил свою девушку. Что-то вроде того.
- Джо откинулся на спинку стула.
- Итак, перечислим факты, свидетельствующие против вас. Утром вы громко ругались с Кэрри, грозя ей расправой. В квартире остались следы ее крови. Вы странно вели себя на работе. Сразу после исчезновения ничего не предприняли, зато потом сами явились в участок и признались в убийстве. – Джо красноречиво вскинул руки к потолку. – Ничего не пропустил?
- Вроде нет.
- На сегодня я услышал достаточно, – произнес Джо.
- Теперь откажетесь, да?
- Этого я не говорил. Мне просто нужно время, чтобы как следует изучить дело, вот и все.
- Я без вас пропаду. – В голосе Ронни зазвучала мольба. – Я никого не убивал, теперь-то на все сто уверен! Понимаю, положение не ахти, но без вашей помощи мне крышка. Я ж не думал, что в тюрьме так хреново...
- Джо посмотрел на Ронни и прочел в его взгляде отчаяние. Джо сразу понял, что дело потребует много сил. С серьезными случаями всегда так.

– Увидимся завтра в суде, – наконец проговорил он. – Единственное, что могу посоветовать, – лишний раз не высывайтесь.

В коридор между стеклянными будками зашел охранник. Ронни медленно встал. По щеке скатилась слеза. Что это – горе или угрызения совести? Джо еще только предстояло узнать ответ. Когда Ронни уже выходил из будки, он вдруг обернулся к Джо и спросил:

– Вы ведь меня не узнаете?

Джо призадумался:

– Нет. А что, должен был узнать?

Ронни пожал плечами:

– Наверное, нет.

И скрылся.

Глава 11

Сэм Паркер проезжал мимо участка, где служил. Это здание было более современным, чем то, где располагался отдел убийств. Сразу видно, что длинное кирпичное строение принадлежит полиции, – и оконные рамы, и высокая ограда с острыми шипами наверху были покрашены в синий цвет. Шипы будто отпугивали желающих отомстить полицейским. Участок находился на самой окраине Манчестера. Напротив раскинулся поросший травой луг, посреди которого возвышалась серая каменная церковь. Впрочем, вид портили многоэтажки на горизонте. Сэм решил заскочить на работу. Все равно после встречи с инспектором Эванс всякое желание отдыхать пропало. Однако, входя внутрь, Сэм понимал, что слишком взвинчен, зол и смущен. Значит, им заинтересовались только по одной причине – из-за брата.

Отдел экономических преступлений располагался в крошечном помещении на втором этаже, был втиснут между двумя комнатами для составления отчетов. Окно выходило на задний двор, где парковались сотрудники участка. Сэм поднимался по лестнице, глядя в огромные, во всю высоту лестничной площадки окна. Здесь Сэм всегда чувствовал себя, будто под прицелом многочисленных взглядов. На проходящей рядом дороге движение было не слишком активное, но уже через час ситуация изменится, и образуется огромная пробка, состоящая из автомобилистов востока Манчестера.

Погода стояла жаркая, поэтому окно в кабинете Сэма было открыто. Легкий ветерок покачивал вертикальные белые жалюзи, и они постукивали о стекло. Сэм побарабанил по двери ногтями. Хелен, одна из следователей, подняла глаза. Она сидела, склонившись над таблицами. Очки в тонкой металлической оправе, как всегда, соскальзывали с носа. Когда Хелен читала, ей постоянно приходилось сдвигать их обратно. На самом деле очки были для Хелен своеобразным средством защититься, отгородиться – как, впрочем, и для многих других ботаников. Увидев Сэма, Хелен удивилась:

– У тебя же вроде выходной.

– Да, – подтвердил Сэм. Хотел было рассказать о встрече с инспектором Эванс, но потом передумал. В конце концов, приглашение, на которое он возлагал столько надежд, обернулось пшиком. – Просто ехал мимо и решил зайти. Сдается мне, это дело с автобусами не так просто, как кажется, вот и решил проверить кое-какие детали.

– Что, так срочно? Неужели до завтра подождать нельзя? – усомнилась Хелен.

– Можно, – кивнул Сэм, усаживаясь за стол. Вот стакан, где он держал ручки. Фотография в рамке – жена и две дочки. Все чисто, аккуратно, каждая вещь на своем месте.

– Ну, как дело с автобусами? – спросила Хелен.

– Со вчерашнего дня увлекательнее не стало, все такое же нудное.

На папки, ровным рядком выстроившиеся на полке у него за спиной, Сэм даже не взглянул. В участок он приехал лишь для того, чтобы напомнить себе, в каком болоте увяз. Сэм был хорошим работником и прекрасно это понимал, но ему вечно доставались дела, от которых отказывались остальные. Большинство полицейских оценивают преступления по одному критерию – чем кровавей, тем интересней. Поэтому все дела, где фигурировали счета, формы и прочая документация, сваливали на стол Сэму. Автобусы исключением из правил не стали. Обычная, заурядная история. Владельцы автобусной компании завышали количество пройденных миль, дабы создать впечатление, будто на поездки по маршрутам расходуется больше топлива, чем на самом деле. В папке с делом лежала пачка счетов и документов. Если компания будет признана виновной, деньги за лишнее топливо придется возвращать.

Единственным плюсом этой службы являлось то, что здесь Сэму выделили собственный стол. Хотя бы есть где вещи разложить. Но в полицию он пришел не затем, чтобы ловить за руку мошенников. Сэм покосился на Хелен. Интересно, каким его видят со стороны? Должно быть,

таким же тихим ботаником, как и она. Чем дольше Сэм здесь просидит, тем больше станет похож на Хелен. А такая перспектива ему не улыбалась. Сэм почувствовал, как его решимость растет. Разве не за этим он вызвался выполнять бумажную работу? Хотел проверить, подходит ему это занятие, или надо стремиться к большему. Даже если для достижения цели придется сделать то, о чем просит инспектор Эванс.

– Я передумал, – объявил Сэм, вставая из-за стола.

– Насчет автобусов?

– Да. Автобусы подождут. У моего брата сегодня день рождения. Надо заехать, провести. Не годится, чтобы человек сидел один в такой день.

С улыбкой Сэм повернулся к двери. Услышав, как она захлопнулась у него за спиной, Сэм решил, что это отличный символ его карьеры – прошлый этап завершен, пора переходить на новый. По лестнице Сэм спускался гораздо быстрее, чем поднимался, а когда вышел на задний двор и направился к машине, решение созрело окончательно. Сэм сделает все, что понадобится, лишь бы произвести впечатление на инспектора Эванс. Он же всегда мечтал работать в отделе убийств. И теперь эта мечта исполнится.

Глава 12

Прогуливаясь в садах неподалеку от офиса, Джо размышлял о Ронни Бэгли. Улик оказалось достаточно, чтобы Ронни арестовали. Хватило их и для того, чтобы предъявить обвинение в убийстве, а также не выпускать обвиняемого до суда. И снова Джо сомневался, на той ли стороне борется. Для знакомства с клиентом вроде Ронни день был неудачный – в годовщину смерти Элли Джо невольно задумался об отнятых жизнях детей. Он попробовал избавиться от этих мыслей. Ронни заслуживает шанса на вызволение. Таковы законы, которым учили Джо. Он давно сказал себе – его дело помогать, а не судить. Джо повернулся к шагавшей рядом Монике. Надо отвлечься от всех этих неприятных мыслей.

– На самом деле ничего захватывающего тут нет, – произнес Джо. В ответ на озадаченный взгляд Моника пояснил: – Ну, в том, чтобы ездить в тюрьмы. Всего пару коридоров прошли, а ты от любопытства шею сворачивала.

– Вам так показалось? – рассмеялась Моника. – Нет, ничего захватывающего в тюрьмах я не нахожу. Просто смотрела по сторонам, я же в первый раз приехала.

– Раньше мне эти поездки казались настоящим приключением. Вот я, ловкий авантюрист, вожу за нос полицию.

– А теперь?

– Теперь тюрьма для меня – просто большое здание, полное несчастных людей. Некоторым вынесли более суровые приговоры, чем они заслуживают, а кое-кто и вовсе невиновен. Но, готов поспорить, большинству сошло с рук больше, чем им вменили в вину.

Моника покраснела.

– Когда вы так рассуждаете, чувствую себя наивной дурочкой.

– Вовсе не хотел тебя унижить, но ты девушка из хорошей семьи. Для тебя тюремная среда – нечто новое и неизведанное. Конечно, поначалу все это кажется крутым и интересным, но, как ни приукрашивай, преступление останется преступлением.

– Ронни выйдет на свободу?

– Вряд ли.

Они прошли мимо клумб, рядом с которыми на скамейках сидели те, у кого обеденный перерыв начинался позже, чем у остальных, потом перешли через дорогу и направились к офису. Джо спросил:

– Ну и какое впечатление на тебя произвел Ронни?

– Не знаю... Мне он опасным не показался. Я даже удивилась. Кажется, этот человек никому не может причинить вреда. Вид у него был жалкий.

– Это еще ни о чем не говорит.

– Наверное. – Моника улыбнулась. – А вы что заметили?

– Грейс, – задумчиво произнес Джо.

– Девочка? А что с ней?

– Ронни почти не упоминал о дочери, – пояснил Джо. – Итак, есть два варианта. Либо Ронни убил Кэрри, либо нет. Если он это сделал, то и с ребенком расправился. А если не убивал, то как Ронни должен вести себя в подобной ситуации? Представь – Кэрри пропала неизвестно куда вместе с девочкой. Тебе не кажется, что Ронни следовало бы нервничать посильнее? У этого человека забрали малютку-дочь. Возможно, он никогда больше не увидит Грейс. Но ничего подобного мы с тобой не заметили. Ронни был растерян и жалел себя, вот и все.

Некоторое время Моника помолчала. Потом уточнила:

– Значит, считаете, что он виновен?

– Мое мнение не имеет значения.

– Как это – не имеет?

– Очень просто. Думаешь, правда имеет какое-то отношение к правосудию? – Джо покачал головой. – Кто победил, тот и прав, вот и все. Единственное, что меня интересует, – чего я смогу добиться для Ронни. Когда становишься адвокатом по уголовным делам, заключаешь с совестью сделку. Ведь твоя обязанность – помогать мерзавцам и злодеям уходить от ответственности.

Моника ничего не ответила. Джо понимал, что эта работа каждый день забирает у него частичку человечности. Однако таким образом он бросал вызов правоохранительной системе, которая, как считал Джо, подвела и его, и родных, и, самое главное, Элли.

– Кажется, Ронни намекал, что вы с ним где-то встречались, – заметила Моника.

– Клиентов у меня много, всех не упомянешь. Ничего, переживет, невелика обида.

– Дело не только в этом.

– А в чем?

– Я ведь знаю, где вы живете, и квартира у вас действительно роскошная.

– В смысле?

– Ронни сказал – «вернетесь в свою роскошную квартиру». Откуда он знает, какая у вас квартира?

Джо помолчал, потом качнул головой.

– Просто попал пальцем в небо, – ответил Джо, хотя слова Моника заставили его задуматься.

В офис они вошли через боковую дверь. Фирма специализировалась на коммерческом и семейном праве, уголовное же было скорее данью традиции. Большинство клиентов пользовались главным входом – белые колонны обрамляли двойные дубовые двери, холл выложен белой и черной плиткой. Здание строилось во времена, когда архитектура отличалась величественностью, и ежедневная суета юридической фирмы казалась здесь несколько неуместной. Но клиенты Джо через парадную дверь не ходили. Уголовный отдел считался своего рода «бедным родственником», поэтому в его распоряжение предоставили боковой вход. Нельзя было допустить, чтобы воры и насильники ожидали своей очереди в тех же приемных, что и бизнесмены или рыдающие жены, переживающие все тяготы развода.

– Меня кто-нибудь спрашивал? – поинтересовался Джо у секретарши, Марион. Эта женщина всегда носила строгий деловой костюм и отличалась острым как бритва языком. Когда клиенты вели себя слишком фамильярно, Марион решительно ставила их на место. Если кого-то не надо было пускать, охраны надежнее Марион не придумаешь.

– Нет. Что-то сегодня тихо, – ответила секретарша. Когда Джо уже зашагал к лестнице, окликнула – С днем рождения, мистер Паркер!

Джо обернулся, Марион смущенно покраснела и с улыбкой произнесла:

– Никогда не забываю про ваш день рождения. Вы же знаете.

Джо улыбнулся в ответ и, взбежав по лестнице, очутился в коридоре, по обеим сторонам которого тянулись двери. Кабинеты здесь были маленькие – результат разделения некогда величественных покоев на крошечные клетушки. «Ханиуэллс» занимали два смежных четырехэтажных здания. Оба представляли собой лабиринт коридоров и маленьких кабинетов.

– Я вам еще нужна? – спросила Моника.

– Ты, должно быть, проголодалась – пообедайте мы так и не успели. Сделай перерыв.

Кажется, предложение Джо Монике не порадовало. Ей явно хотелось остаться, но Джо решительно отвернулся. Ему нужно было как следует все обдумать. Когда Моника ушла, он опустил в кресло. Зеленые кожаные подушки были, как всегда, удобны. На секунду Джо прикрыл глаза. Надо уговорить Моника заняться чем-то другим. В наше время уголовным правом никто не занимается. Во всяком случае, если речь идет о людях умных. Конечно, на жизнь заработать можно, особенно если разбираешься в правилах дорожного движения, и клиенты попадутся богатые. Но большинство молодых юристов ждала лишь тяжелая работа, не прино-

сящая ни малейшего удовлетворения. Нужно отнестись к энтузиазму Моники с уважением и направить его в продуктивное русло, как он и заслуживает. Тут в кабинет вошла Джина. Джо открыл глаза. Кабинет Джина располагался на два этажа выше, на бывшем чердаке, где она ютилась под наклонными сваями вместе с клерками. В обязанности Джина входило следить за их работой и докладывать, кто действительно старается, а кто просто просиживает штаны. Бывает, что первыми замечают громких и наглых, но на самом деле фирме нужны прежде всего добросовестные.

– Как тебе Ронни Бэгли? – спросила Джина, прислонившись к дверному косяку.

Джо несколько секунд побарабанил пальцами по столешнице и наконец произнес:

– Пока не знаю.

– Как думаешь, виновен он или нет?

– Всегда хочется верить, что нет.

– И в этом твоя слабость. Ищешь клиента, который поможет тебе примириться с совестью, которого ты спасешь, и тогда окажется, что адвокаты нужны не только для того, чтобы преступникам сходило с рук любое темное дело.

– Зато ты от полицейских замашек так и не избавилась. – Джо вздохнул. – Впрочем, какая разница? Значение имеют только цифры. Будем действовать в интересах Ронни и постараемся неплохо заработать.

– Таковы правила игры, Джо. Ты мне все время это повторяешь. Кстати, общалась тут со стороной обвинения. Сказали, что отправили нам бумаги с курьером. То, что ты получил в суде, – лишь краткое перечисление основных моментов. Скоро доставят, так что до завтра ознакомиться успеешь.

– Позвони, когда привезут. Хочу привлечь к делу Монику.

– Так я и думала.

– Это что за намеки?

Джина рассмеялась:

– Да ладно тебе, Джо. Я же видела, как ты на нее смотришь. Тебя понять можно. Симпатичная девушка.

– Она мне совершенно не нравится, – смущенно пробормотал Джо, чувствуя, что краснеет.

– Джо, я ведь женщина, а мы такие вещи сразу замечаем. Только пообещай не вести себя как полный идиот.

С этими словами Джина развернулась и вышла. Отвечать Джо не стал. Только молча смотрел, как она захлопнула дверь, а потом слушал постепенно затихающие шаги в коридоре. Затем повернулся к окну. Моника сидела на скамейке и ела какой-то салат из пластиковой упаковки. Перед ней лежала открытая книга. Каждый раз, когда Моника наклоняла голову, волосы падали на страницу, и она заправляла их обратно за уши. Джо улыбнулся. Он не мог отрицать, что сегодня общество Моники было ему весьма приятно. Тут она подняла голову, и Джо поспешно отпрянул от окна – вдруг Моника заметит, как он за ней наблюдает? Еще подумает что-нибудь не то. Джо зажмурился. Впрочем, он же не виноват, что окно кабинета выходит именно на этот парк, и вид отсюда такой красивый, что так и тянет полюбоваться. Все нормально.

Джо снова выглянул в окно. Моника уже успела пообедать и встала, направляясь к урне. Джо собирался было отвернуться, но вдруг что-то привлекло его внимание. Джо подался вперед и окинул внимательным взглядом парк. И тут он понял, в чем дело. На соседней с Моникой скамейке сидел мужчина. Одет опрятно, даже нарядно – синий свитер с V-образным воротом, серые брюки, волосы аккуратно расчесаны на прямой пробор. Однако Джо насторожил не внешний вид незнакомца, а то, как он смотрел на Монику.

Нет, что-то здесь не так. Этот человек не просто смотрел, а внимательно разглядывал, буквально изучал ее. Поза напряженная, спина прямая, руки опираются о колени. Мужчина провожал Монику взглядом, когда она выбросила упаковку и зашагала обратно в офис.

Вот Моника вышла за ворота и перешла через дорогу. Джо не сводил с мужчины глаз. Когда она взбежала по ступенькам крыльца, цокая каблуками, незнакомец встал и ушел.

Глава 13

Джо закрыл за собой дверь в квартиру. Его, как всегда, встретила тишина. Ни тиканья часов, ни звука голосов из комнаты. Все звуки доносились только от соседей – наверху был включен телевизор, а за стеной кто-то кричал. Но у Джо было тихо.

В руках он нес коробку, полную бумаг. Дело Ронни, доставленное час назад. Да, день рождения получался невеселый. Джо вошел в гостиную и поставил коробку на пол. Раздвинул шторы, и комнату озарил свет заходящего солнца. Квартира была обставлена в минималистском стиле, но не потому, что таков был замысел хозяина. Джо не особо увлекался дизайнером интерьера. Главное, чтобы было все необходимое. Диван. Телевизор. Компьютер. И вид из окна, ради которого стоило возвращаться домой.

Дом располагался в Каслфилдс, некогда центре промышленной революции. Здесь творилась история всей Англии, соединялись водные и железнодорожные пути и заканчивался первый в стране искусственный канал, сюда доставляли хлопок с Глубокого Юга. Груз хлопка выгружали в Ливерпуле и оттуда по каналам отправляли в пеннинские города, вереницей тянувшиеся в глубь Йоркшира. А потом зеленые долины окутал дым, а там, где росли болотные травы, появились ярусы домов. От девственной природы не осталось и следа. Так создавался причудливый облик города – перестроенные склады, верфи и более новые здания, выполненные в том же стиле, чтобы не выделялись. Сочетание старого и нового, вода, кирпич и сталь – вот что появилось на месте древнеримского форта Манкуниум. Центр города и оживленные дороги располагались по другую сторону квартала, здесь же протекали спокойные воды канала, по которому сновали прогулочные суда. Над водной гладью изящно склонились две ивы. Единственное, что нарушало идиллию, – шум трамваев, проезжавших по виадукам.

Манчестер превратила в крупный город текстильная промышленность, но путь оказался нелегким. Манчестер вырос слишком быстро, людям приходилось ютиться в крошечных домиках, по комнате на семью, а иногда даже меньше. Город задыхался в дыму и нечистотах, в нем не было ничего, кроме трущоб и фабрик, работа на которых сводила в могилу раньше срока, население выкашивала холера. Однако Манчестер не так легко сломить. Из нищеты и лишений постепенно выросло движение, борющееся за права рабочих. Жители Манчестера едва не умерли от голода, когда поддерживали блокаду южных штатов во время Гражданской войны в США. Люди знали, на какую сторону встать, и были тверды в своих убеждениях. Теперь ни фабрик, ни заводов не осталось, а в пустующих кирпичных зданиях устраивали выставки и ярмарки. Однако сам дух остался, и Джо был воспитан именно на таких традициях.

Джо выбрал эту квартиру только потому, что отсюда открывался прекрасный вид на канал. По вечерам он любил сидеть на маленьком балкончике, смотрел, как закат отражается в грязной воде, заставляя ее сиять и переливаться.

Джо открыл холодильник и нашел бутылку совињон блан. Прислал винный клуб в Интернете, в который Джо вступил несколько месяцев назад, да так и не вышел – времени не было. Он открыл балконную дверь, и комната сразу наполнилась привычными вечерними звуками. Звон бокалов и смех с открытой веранды ресторана на Каталонской площади по другую сторону канала смешивались со скрипом и визгом трамвайных колес. Джо налил себе вина и вернулся в комнату за делом Ронни. Поставив коробку на балконе, поднял бокал и произнес тост в честь самого себя:

– С днем рождения!

Потом сел и отпил маленький глоток. Некоторое время сидел, наслаждаясь теплым вечером. Джо знал, что, как только начнет читать, перестанет замечать, что делается вокруг. Он всегда уходил в работу с головой, во что бы то ни стало стремясь к победе. Не важно, какое дело ему доставалось – мелкая драка или, как теперь, убийство. Главное – результат.

Вдруг раздался звонок домофона. Джо никого не ждал. Хотел было не отвечать, но потом любопытство одержало верх. Выйдя в коридор и нажав на кнопку, Джо услышал голос брата, Сэма.

– Джо, это я. Не годится отмечать день рождения одному.

Джо задумался, ответить или промолчать. Он догадывался, что Сэм заехал не только по этой причине. Опять будет читать Джо нотации из-за того, что не поехал со всеми на могилу Элли. Но воспоминания о сестре не покидали весь день, поэтому Джо рад был услышать голос кого-то из близких. Впустив Сэма в подъезд, Джо сразу открыл дверь и вернулся на балкон. Через некоторое время улыбающийся Сэм зашел на балкон с пивным набором в руках.

– Еще раз с праздником.

– Что-то я не привык к такому вниманию.

– Утром толком не отметили, – пояснил Сэм. – Вот и решил исправить ситуацию.

Сэм достал банку из упаковки и протянул Джо. Тот поднял бокал с вином и прокомментировал:

– У меня уже есть что пить.

– А я-то думал, ты пиво любишь, – ответил Сэм, переводя взгляд с банки на бокал.

– Люблю, но приятно иногда побаловать себя вином.

Сэм опустил на второй стул и поставил пиво на пол. Потом аккуратно засунул банку обратно в коробку. Джо с усмешкой наблюдал. Как только банка оказалась на законном месте, Сэм нахмурился и произнес:

– Ты изменился.

– Людям свойственно меняться.

Сэм посмотрел на раскинувшийся вокруг пейзаж, потом снова взглянул на бокал с вином.

– От себя не убежишь, Джо.

Джо вздохнул.

– Ты о чем?

– Обо всем этом, – ответил Сэм. – Квартира с видом на канал, вино. Корчишь из себя утонченного интеллектуала. Мы же с тобой из одного района, и семья у нас самая простая. Не твое это, не твое.

– Всего-то и сказал, что вино люблю, а ты сразу классовую войну разжигаешь, – парировал Джо. – Не передергивай.

– Думаешь, я передергиваю? – произнес Сэм. – Тогда почему сегодня на кладбище не поехал? Решил начать новую жизнь, карабкаешься вверх, а нас оставил внизу.

– Не говори глупостей, – возразил Джо. От улыбки не осталось следа. Его снова накрыло черное облако. Элли. Та тропинка в лесу.

– Просто я считаю, что семья важнее всего, – произнес Сэм.

– Я и не спорю, просто...

Джо умолк. Он слишком многое скрывал от Сэма, но не мог поделиться с братом секретом.

– Мне надо было срочно уехать по делу. Это моя работа, Сэм. Так я добываю средства на пропитание.

Сэм вздохнул.

– В последнее время беспокоюсь за маму. И за Руби. Мама ей совсем не занимается. Девчонка целыми днями где-то шатается, уроки не делает, а мама на все смотрит сквозь пальцы. У нее просто нет сил разбираться...

– Может, поговорим с Руби? – предложил Джо. – Подростков предоставлять самим себе опасно, обязательно найдут приключений на свою голову. Лично мне вовсе не улыбается забирать сестренку из полицейского участка.

– Да, надо провести разъяснительную работу.

Сэм молча смотрел на воду, а Джо не спешил прервать затянувшуюся паузу. Брата явно что-то тревожило. Наконец Сэм произнес:

– Да, после разговора с убийцей беседа с Руби для тебя так, приятный пустячок. Неприятно, должно быть, иметь дело с такими людьми, особенно после того, что случилось с Элли.

Джо отпил еще глоток вина. А вот и причина визита прояснилась.

– Ты что-то сказал про убийцу.

– Да, сказал.

– Это ты про Ронни Бэгли?

– Допустим. – Сэм откинулся на спинку стула. – И что же в этом человеке такого важного, что ты бросил родных и помчался в тюрьму?

– Это вовсе не означает, что я предпочитаю работу семье. – Джо отставил бокал в сторону. – И кстати – с чего ты взял, что Ронни защищаю я?

Сэм, похоже, растерялся.

– Разве нет?

– Вообще-то, да – с сегодняшнего дня. Вопрос в том, откуда ты об этом узнал?

Сэм ответил не сразу. Джо терпеливо ждал.

– В участке говорили, – наконец произнес брат. – Спрашивали о тебе.

– И что ты ответил?

– Ничего. А что я мог сказать? Ты же мне про свои дела не рассказываешь.

– А почему обратились именно к тебе? Насколько знаю, ты перебираешь бумажки в отделе экономических преступлений. И вообще, при каких обстоятельствах тебе задавали вопросы? Отправили электронное письмо? Позвонили? Или коллеги в столовой сплетни собирали?

– Нет...

– Я не дурак, Сэм. Не успел съездить в суд и в тюрьму, а ты уже в курсе. Хотя не понимаю, какое отношение ты имеешь к делу Бэгли. Что происходит? Твоих коллег обеспокоило, что его адвокат – я? Мой блестящий послужной список вызывает у них опасения?

– Хватит выпендриваться.

– Или в деле есть нечто такое, что следует скрывать?

– Теперь глупости говоришь ты. Просто кто-то сказал, что Ронни сменил адвоката, вот и все. Каждому известно, что ты мой брат. Ребята любят подшучивать на эту тему.

Джо не ответил. Значит, признаваться Сэм не намерен.

– Не понимаю, как ты можешь браться за такое дело, – наконец произнес брат.

– Если правильно угадал, куда ты клонишь, эту тему мы уже обсуждали.

– И все-таки. Ты защищаешь убийц, насильников, грабителей, мошенников. Не понимаю, как ты по ночам спишь? Из-за тебя все эти подонки бродят на свободе.

Джо закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Этот вопрос ему давно надоел. Всем адвокатам постоянно приходится его слышать, и особенно часто – от полицейских. Джо всегда отвечал по-разному – смотря кто спрашивал. Иногда говорил правду: объяснял, что справедливый суд, где представлены позиции обеих сторон, – первый признак цивилизованного общества. Что бы ни делал Джо, если весомые доказательства вины налицо, преступник окажется за решеткой. Все они, и полиция в том числе, следуют установленным правилам, которые призваны поддерживать порядок. А если Джо хотелось шокировать собеседника, он заявлял, что состязаться с правосудием весело, а остальное ему до лампочки. Но на самом деле Джо так не считал. Иногда, думая о своих подзащитных, он и впрямь не мог заснуть. Ему стыдно было проходить мимо членов семьи жертвы, когда убийца выходил на свободу оправданным. Как бы Джо ни старался, большинство его клиентов в конце концов скатывались на самое дно и теряли свободу. Но Сэму все это говорить нельзя было.

– Ты имел в виду – как я могу защищать убийцу после того, что случилось с Элли? – спросил Джо, вспоминая тот день пятнадцать лет назад. Вот он сидит в окружении открыток, в гостиной натянута гирлянда с цифрой «18», а потом приезжает полиция, и мама разражается рыданиями.

– Между прочим, тот, кто это сделал, до сих пор на свободе, – заметил Сэм, барабанив пальцами по столу – верный признак, что брат пришел в сильное волнение. – А когда убийцу поймут, он наймет кого-то вроде тебя, чтобы уйти от ответственности.

Джо промолчал. Свои секреты он хранил пятнадцать лет, и сейчас уже слишком поздно что-то менять. Джо отпил еще глоток вина, на этот раз – побольше.

– Я не обязан перед тобой оправдываться, – парировал он. – Думай что хочешь, а я просто помогаю людям.

– Что бы сказал папа, будь он жив?

Джо повернулся к брату. Во взгляде блеснул гнев.

– Тебя не учили, что нечестно бить ниже пояса?

Сэм молча уставился в пол, и Джо прибавил:

– По-моему, тебе пора.

– Мы что, не можем вместе выпить в твой день рождения?

– Ты не за этим пришел.

Сэм бросил на брата суровый взгляд:

– Хорошо, если хочешь, я уйду.

Джо упорно не сводил глаз с канала, а Сэм отодвинул стул.

– Не забывай о семье, – проговорил он на прощание и покинул балкон. Из квартиры донеслись его затихающие шаги. Услышав, как захлопнулась дверь, Джо достал из коробки банку пива и поднял вверх, будто собирался произнести тост:

– С днем рождения, Джо Паркер!

Остаток вечера он посвятил работе. Было уже почти одиннадцать, когда Джо отнес коробку обратно в комнату. И пиво, и вино были выпиты. Джо чувствовал, как его пошатывает, и решил, что с утра непременно отправится на пробежку. Надо, чтобы перед судом в голове прояснилось.

Прочитанное только подкрепило впечатление о деле, сложившееся у Джо после рассказа Ронни. Никаких фактов, одни догадки и предположения. Ни тела женщины, ни тела ребенка не нашли, но улики против Ронни были весомее, чем казалось самому обвиняемому.

Ронни и Кэрри жили на первом этаже викторианского дома, окна там расположены в эркерах, подоконники каменные и очень широкие. Над главным входом – витражи. Фотографы как следует постарались отобразить всю мрачность и убогость тесной квартиры. Спальня всего одна, кровать Грейс втиснута в угол и стоит впрытык с двуспальной кроватью. Гостиная со смежной кухней, прямо из которой можно попасть в крошечную ванную. Двери самые обычные, плоские, никаких украшений, краска снизу облупилась. Из белых они давно превратились в сероватые.

У гостиной вид был унылый – обшарпанная мебель, все вокруг в коричневых тонах, единственный источник света – окно напротив камина, которое, судя по всему, мыли очень редко, если вообще мыли. В углах виднелись пыль и паутина. На линялом ковре коричневые узоры, на том участке, который задевает дверь, вытерся весь ворс. Кажется, Кэрри пыталась хоть немного украсить квартиру – на старом комод, покрытом потускневшим лаком, стояла ваза с цветами. Рядом в дешевых рамках были выставлены несколько фотографий Грейс, но снимки выглядели выцветшими – должно быть, от сигаретного дыма. Видимо, присутствие в доме двухлетнего ребенка никого не смущало. В пепельницах высились горы старых окурков, а из мусорного ведра в углу гостиной торчало украшенное красной этикеткой горлышко бутылки из-под водки.

Криминалисты поработали на совесть. Благодаря плоской поверхности отпечатков на двери осталось достаточно, да и обнаружить следы крови не представляло труда. Нападение произошло в дверях спальни – там на дверях обнаружились разводы, которые рассеянный преступник, видимо, проглядел. То же самое с камином, но кроме капель там еще явно присутствовали следы физического контакта, будто Кэрри били головой о гранитный камин. Показания квартирного хозяина были полны деталей и подробностей. Тот всячески подчеркивал, что утренняя ссора выходила за пределы обычных препирательств. Версия обвинения была проста – Ронни убил Кэрри у них в квартире, а потом вывез тело и избавился от него. Оставался один вопрос – где и как? Не оставалось сомнений, что, если удастся найти тело Кэрри, рядом окажется и Грейс.

А тут еще эффектное появление Ронни в полицейском участке, когда он признался в убийстве Кэрри. Этим поступком клиент создал и себе, и адвокату серьезную проблему. Обвинению остается лишь доказать присяжным, что убийство было. Конечно, отсутствие тел несколько усложняет задачу, но присяжные наверняка захотят упечь убийцу за решетку, и такая мелочь им не помешает.

Джо закрыл ведущие на балкон раздвижные двери, заглушая низкий шум потока припозднившихся автомобилей. Теперь единственным источником звука в квартире стал работающий компьютер. Джо подошел к рабочему столу и подвигал мышкой. На экране тут же возник фон – отсканированное семейное фото, его любимое. Здесь они все вместе, отдыхают в Португалии. Вся семья на пляже, в шортах и футболках, позирует на фоне песчаниковых скал Алгарве. Родители улыбаются. Оба положили руки на плечи Элли, а по бокам стоят Джо и Сэм. Джо несколько секунд помедлил, разглядывая фотографию. Хотя он видел ее каждый раз, когда садился за компьютер, разговор с Сэмом пробудил воспоминания о той поездке. Не прошло и года, как Элли погибла.

Глубоко вздохнув, Джо вышел в Интернет. Трезвым он такими вещами не занимался, но алкоголь так и подталкивал найти компанию.

Сайт знакомств. Джо, конечно, зарегистрировался, но игнорировал все предложения встретиться. Но так ему казалось, будто он снова в игре, а большего Джо и не требовалось. Выстраивать отношения он был не готов. Просматривал страницу за страницей, читал анкеты, представлял, как могло бы пройти свидание с той или другой женщиной, и все для того, чтобы ощутить знакомое чувство волнения и предвкушения, которое давно уже его не посещало. Джо встал, собираясь задвинуть занавески, но, подойдя к окну, замер. На другом берегу канала что-то сверкнуло, будто свет фонаря отразился от какого-то металлического предмета. Джо вспомнил мужчину, которого заметил днем в парке. Выключил свет в комнате, чтобы как следует разглядеть, что происходит на улице. Прижавшись лицом к стеклу, Джо различил быстрое движение и отошел от окна. За ним кто-то следил.

Глава 14

Он рыдал так, что толком не слышал обычных утренних звуков. Ни пения птиц, ни громких голосов, ни шума машин. Только собственные повторяющиеся стоны. Он схватился за голову, словно надеясь таким образом защититься от воспоминаний, мучивших его всю ночь. Крики, слезы... Заснуть так и не удалось. Неужели он не сможет обо всем этом забыть и так теперь будет всегда? Разве он хочет слишком многого? Всего-то и нужно, что стереть случившееся из памяти и не страдать от мыслей об их последних минутах. Страх в их глазах. Каждый раз ему хотелось попросить прощения, сказать, что он не хотел, чтобы все обернулось именно так, но какой смысл говорить об этом в последние несколько секунд? Он жаждал тишины, но напрасно. Его пугали не только воспоминания, но и возбуждение, которое он испытывал, стоило задуматься на эту тему. После нескольких часов размышлений о прошлом оно дразнило его всю ночь. Он не должен рассуждать таким образом, поскольку это лишало его даже последней радости. Но все это неправильно. Произошло слишком многое. Он превратился в настоящего монстра.

Он пытался найти избавление в приятных фантазиях, но вскоре они сменялись стыдом и отвращением. Он называл это мертвой фазой – когда страсть развеялась, и оставался только страх перед разоблачением и раскаяние.

Пытаясь отвлечься, он смотрел на холодный, резкий дневной свет, медленно ползущий к нему, точно перст правосудия. Он натянул на плечо одеяло и, свернувшись в клубок, попытался хоть ненадолго уснуть. Но, глядя в стену, понимал, что сегодня ни о каком сне не может быть и речи.

Все было неправильно, он понимал это и надеялся, что воспоминания помогут ему держаться, однако мысли не удовлетворяли так, как действия. Его одолевала потребность найти еще кого-нибудь.

Он зажмурился. В глазах стояли слезы. Щеки пылали. И снова раскаяние, эта темная тень, омрачающая удовольствие. За каждым шелковистым прикосновением следовал крик ужаса. Попытки освободиться из плена веревок, снять повязку с глаз, и последние моменты – приглушенные звуки, удары ног о пол, и затем тишина. Он стиснул зубы. Снова эти воспоминания. Он никогда этого не хотел, все затевалось совсем для другого, но не мог их отпустить. Ведь тогда ему пришлось бы отказаться от всего.

Он страдал от одиночества, потому что рядом не было того, кто мог бы облегчить боль, сказать ободряющие слова. Того человека, который подсказал ему идею. На все это его толкнула прекрасная, нежная, страстная любовь. Ведь тот факт, что он не только ради себя за это взялся, облегчает вину, верно?

Он сел, и одеяло соскользнуло вниз. Ему нужны силы. Он ведь решил начать новую жизнь. Однако сами эти слова казались лишенными смысла. Нет, он слишком слаб. Свет все больше заполнял помещение. Он снова зажмурился и обхватил руками голову. Нет, он ошибся. Ему это не под силу.

Глава 15

Сэм разбудило жужжание мобильного телефона, лежавшего на тумбочке рядом с кроватью. Он потер глаза и взглянул на часы – всего пять тридцать. Слишком рано. Сэм потянулся за телефоном. Собирался уже ответить, но тут заметил, что номер опять засекречен. Сел, держа в руке вибрирующий мобильник. Рядом заворочалась Элис. Отвечать Сэм не стал. Дождался, когда телефон замолчит и включится голосовая почта.

Откинулся на подушку и постарался не думать о звонке. Сообщение можно будет прослушать потом, оно никуда не денется. Может, звонят совсем по другому поводу – снова какой-нибудь мошенник хочет взыскать с кого-то ущерб или запустил компьютерный вирус. Однако мысли о звонке не давали покоя. Чем старательнее он гнал их от себя, тем труднее становилось их игнорировать. Глядя, как светает за окном, Сэм чувствовал, что заснуть нечего и надеяться. Рядом посапывала Элис. Он едва удерживался, чтобы не прослушать сообщение – вдруг опять то же самое?

Сэм перевернулся на другой бок и, натянув одеяло до подбородка, все же попытался уснуть, однако из головы не шли неприятные мысли о прошлом вечере. Визит к Джо ничем хорошим не закончился, однако Сэм не мог злиться. Они же братья, а это хоть что-нибудь да значит. Тут проснулась Элис.

– Что случилось? – сонно пробормотала она.

Хотел было проигнорировать вопрос, но Элис приподнялась на локтях, и спутанные волосы скользнули на подушку. Решительная поза говорила о том, что жена не успокоится, пока не получит ответ.

– Ничего. Так, работа...

Некоторое время Элис молчала и наконец спросила:

– Из-за Джо переживаешь?

– С чего ты взяла?

– Когда ты вчера вернулся с работы, явно думал о чем-то неприятном, да и в участке пробыл недолго. И вообще, у тебя же был выходной. Думала, встреча с Джо поднимет тебе настроение. Но вернулся ты и вовсе мрачнее тучи. Мне всего два слова сказал, с девочками играл нехотя. На тебя это не похоже.

Сэм не знал, что ответить. Вчера они купали трехлетнюю Эмили, кудрявую, улыбчивую малышку, а Эми, которая только что начала ползать, возилась с погремушками в соседней комнате. Обычно Джо всегда радовался возможности провести время с дочками. Но вчера вечером мысли его витали далеко.

– Я вообще из другого отдела, но инспектор меня кое о чем попросила, и мне это не понравилось. Она хочет, чтобы я за ним шпионил.

– За кем, за Джо? – Элис села прямо. – Неужели он что-то натворил?

– Нет, дело в его клиенте. Этого человека обвиняют в убийстве сожительницы и дочери, но тела не нашли.

Элис была потрясена.

– Откуда они знают, что произошло убийство, если нет тел?

– На это указывают улики.

– А что им нужно от Джо?

– Надеются, что он проговорится, нарушит правила конфиденциальности – я же его брат. Но Джо на такое нарушение не пойдет, мог бы я и раньше догадаться. Если станет известно, что он делится со мной тайнами клиента, карьера Джо будет загублена.

– Ну и что ты собираешься делать?

– Скажу, что Джо молчит, и вообще, мой брат гораздо более порядочный человек, чем считает эта инспектор Эванс. А потом просто вернусь в свой захудалый отдел.

Элис прижалась к нему, и Сэм ощутил ее тепло. Жена погладила его по груди.

– Хороший ты человек, Сэм Паркер.

Так они лежали несколько минут. Постепенно дыхание Элис стало медленным и размеренным – она снова заснула. Сэм хотел к ней присоединиться, но стоило взглянуть на часы, и в глаза сразу бросался мигающий на телефоне зеленый огонек. Голосовое сообщение.

Поняв, что любопытство уснуть не даст, Сэм вздыхал и ворочался еще пять минут, а потом осторожно свесил ноги с кровати, взял одежду и только после этого потянулся за телефоном. Спустился на первый этаж и сел за компьютер, стоявший в углу столовой так, чтобы не бросался в глаза. Элис использовала его исключительно для того, чтобы делать покупки в интернет-магазинах и смотреть объявления о продаже домов за границей. Это была мечта Элис, и жена осознавала всю ее несбыточность. Пока загружался компьютер, Сэм искал кабель, собираясь подсоединить к нему телефон. Почти все кабели у них в доме были аккуратно свернуты и лежали в подписанных пакетах, чтобы не перепутались, однако несколько штук валялись просто так в старой коробке из-под печенья. На дне Сэм обнаружил то, что искал. Вот он, короткий черный провод с разъемами.

Сэм нашел гнездо для подключения микрофона и вставил туда кабель. Просмотрев программы, наконец заметил нужную, записывающую. Когда он покупал компьютер, она уже была установлена. Сэм повозился с настройками. Вскоре все было готово.

Сначала нужно прослушать сообщение, чтобы убедиться – это именно то, что он думает. Услышав все те же крики и мольбы, Сэм вздрогнул. Подсоединил кабель к телефону, нажал на компьютере кнопку записи и проиграл сообщение еще раз. Пока оно записывалось, зеленая линия то опускалась вниз, то поднималась вверх, но время от времени появлялись и особенно неприятные красные пики. Между тем пики продолжались все дольше и дольше. Сообщение записывалось уже двадцать секунд... тридцать... К этому времени Сэм обычно жал на отбой. После пятидесятой секунды сообщение закончилось, и Сэм нажал на stop. Отсоединил телефон и прижал к уху. Потом сохранил звуковой файл. Что бы ни означало это сообщение, теперь оно хранилось в компьютере Сэма.

Сэм чувствовал усталость, но был слишком взвинчен, чтобы снова ложиться, хотя нежиться в объятиях Элис намного приятнее, чем слушать только что записанное сообщение. Сэм услышал, как включилось отопление. Да, лето еще не вступило в свои права. На улице жизнерадостно пели птицы, но все внимание Сэма поглотил компьютер. Он нашел наушники, надел их и отыскал в папке новый звуковой файл. Палец замер на кнопке мышки. Внутренне приготовившись, Сэм наконец нажал ее и закрыл глаза. Нужно как следует сосредоточиться.

Сначала слышались рыдания, но не горестные, а скорее испуганные, даже умоляющие. Потом раздался первый крик. Сэм вздрогнул. Но потом резко стало тихо, будто кричавшей заткнули рот. Слышались приглушенные звуки борьбы. Затем еще один крик, на этот раз громче, пронзительнее, отчаяннее.

Сэм швырнул наушники на стол. Руки дрожали. На лбу выступил пот, по коже бежали мурашки. Нет, крики настоящие, сомнений быть не может. В фильмах ужасов кричат по-другому – визгливо, на одной ноте. Нет, такой глубокий страх изобразить просто невозможно, такое сознательному контролю не поддается.

Однако ничего не поделаешь, придется дослушать запись до конца. Если это не игра, значит, повторяющиеся звонки не случайны. Сэм, конечно, полицейский, но занимается деньгами, аферами и скрытыми счетами. Но тут совсем другое дело, гораздо более серьезное – факты насилия налицо.

Сэм снова надел наушники и решил, что на этот раз постарается не обойти вниманием ни одной мелочи. Опустил голову и нажал на Play. И снова те же звуки. Сэм опять вздрогнул

от первого крика, точно от электрического разряда. Стиснув зубы, он продолжил внимательно слушать. Вот опять крик обрывается, и раздаются приглушенные всхлипывания, но на этот раз Сэму показалось, что он разобрал и второй голос, а потом отдаленный шорох, напоминающий звуки борьбы. И тут опять прозвучал пронзительный крик. Сэм резко выпрямился, испуганно округлив глаза. Страх невольно передался ему, словно он не сидел в углу собственной столовой, а сам присутствовал при этих событиях. Тут Сэм разобрал шум мотора. Может, рядом дорога? Нет, судя по всему, движение слишком медленное. Потом он услышал еще какой-то звук – повторяющийся через равные интервалы механический писк.

Запись закончилась, и Сэм положил наушники обратно на стол. Сердце стремительно билось, грудь поднималась и опускалась, во рту пересохло. В этой записи содержалось некое послание, и предназначено оно было именно ему.

Да, неудачно день начинается.

Глава 16

Джо прикрыл рот ладонью и выдохнул. Запах перегара налицо. Под глазами мешки, мысли текут медленно и вяло. Надо было поменьше налегать на алкоголь, но что поделаешь, день рождения отметить надо. Однако перед слушанием в суде необходимо встряхнуться. Судьи еще могут простить адвокату неудачное выступление, но, если он плохо подготовился и не знает ответов на все вопросы, для них это как красная тряпка для быка. Следует продемонстрировать, что от тебя не ускользнет ни одна мелочь.

Когда они шли по площади Короны, рядом раздавался резкий стук каблуков Моника. Заглушить его не мог даже шум уборочной машины, наводившей порядок около швейцарского ресторана в центре площади. Джо оглядывался по сторонам, проверяя, нет ли слежки, но никого подозрительного не заметил. Только офисные работники, берущие кофе навынос, и небольшие группы, столпившиеся возле здания суда. Родные и близкие нервничали, адвокаты остервенело курили. В своих костюмах они сразу бросались в глаза.

– Что-то случилось? – спросила Моника. Когда Джо повернулся к ней, стажер смущенно покраснела. – Извините, не хочу лезть не в свое дело, но вы сегодня какой-то нервный.

Джо покачал головой.

– Да нет, все нормально, – с ободряющей улыбкой ответил он. Однако тут же подумал о мужчине в парке. Да, и вчера вечером у Джо возникло ощущение, что за ним наблюдают.

Они направлялись в сторону Суда короны. Здание располагалось совсем недалеко от Магистерского суда, но там все было совсем по-другому. В Магистерском суде царил хаос, мелкие дела там разбирали пачками, и к заседаниям относились легко, почти наплевательски. Зато Суд короны – учреждение серьезное, здесь выступают в париках и мантиях, а осужденные приговариваются к длительным срокам. Даже люди опытные поневоле начинали нервничать.

Снаружи здание выглядело современно, фасад был выполнен в стиле семидесятых – много бетона и стекла. С улицы можно было разглядеть, кто ходит по коридорам. Не все входы в залы суда просматривались с площади Короны, и тем не менее создавалось впечатление, будто ты у всех на виду. Однако в залах суда обстановка царила традиционная и консервативная – кругом деревянные панели и ни единого окна. Джо направился напрямиком к компьютерному терминалу, чтобы зарегистрироваться.

– Кто прокурор? – спросила Моника. – Пора мне разобраться, кто есть кто.

Джо взглянул на экран.

– Как и вчера, Ким Ридер.

Он невольно улыбнулся.

– Вы ее знаете?

– Мы старые друзья. Дело Ронни Бэгли поручили ей.

– Нам это поможет?

– Нет. На суде дружеских услуг не оказывают. И пусть приветливость Ким не вводит тебя в заблуждение. Когда доходит до борьбы, эта женщина сражается свирепо. Ким – настоящий профессионал и очень амбициозна. Если понадобится, она тебя перед судьей в грязь втопчет, лишь бы победить.

– Значит, она и с вами так поступала?

– Еще как. Быстро научился не поддавать под ее обаяние. Надо отдать ей должное, Ким играет честно, хотя, если почует слабость, обязательно воспользуется.

– Похоже, вы хорошо ее изучили.

Решив, что Монике ни к чему знать, насколько хорошо, Джо просто ответил:

– Мы вместе учились, только Ким метит намного выше меня.

– В каком смысле?

– У тебя сейчас вся голова теорией забита, уж я-то знаю. Сам таким был. Когда закончишь учиться, твои обязанности в компании изменятся. Главное требование будет простым – заработать как можно больше денег для фирмы. А у Ким Ридер все по-другому. Она прокурор, больше ничем другим не занимается, и может полностью сосредоточиться на законной стороне дела и профессии как таковой. Но у Ким есть одно слабое место.

– Какое?

Джо улыбнулся.

– Обожает все контролировать. Обязательно постарается взять процесс в свои руки.

– А так разве можно?

– Ей – можно. Правда, только в качестве младшего судьи. Стратегию будет определять не она, а королевский адвокат, однако Ким приложит все силы, чтобы оказать как можно больше влияния. И кстати, из-за этой самой тяги все контролировать Ким терпеть не может проигрывать. Борется упорно, а если поймет, что дело безнадежное, сразу отступит. Не все прокуроры такие. Некоторые любят тянуть время, рассчитывая непонятно на что. Иногда эта тактика срабатывает, и обстоятельства правда меняются, но чаще – нет.

– А вы будете выступать в качестве младшего судьи? – спросила Моника.

Джо покачал головой.

– Конечно, такое право у меня есть, еще с прошлого года, но опыта пока маловато, дело об убийстве вести не рискну. Это вам не игрушки, удовлетворение собственного честолюбия здесь неуместно. Пойдем поищем Ким.

Они вошли в комнату, где участники процесса облачались в мантии и парики. Дверь была совсем незаметная, выдавала ее только панель с кнопками. Чтобы войти, необходимо было ввести цифры кода. Прежде чем шагнуть внутрь, Джо замешкался. Именно здесь решаются самые сложные вопросы. Главное – правильно себя поставить и заранее обозначить позиции. Здесь же развернулась арена устаревшей классовой борьбы – солиситоры медленно, но верно отвоевывали места у барристеров, которые когда-то пользовались эксклюзивным правом выступать в верховных судах. Старая гвардия собиралась отдельными группами. Парики покрыты пятнами табака от сигар, черные мантии полиняли. Среди барристеров эта потрепанность считалась своего рода знаком почета, и они с презрением поглядывали на безупречные костюмы солиситоров. Безусловно, Суд короны теперь больше приспособлен к реалиям сегодняшнего дня, однако лишился прежней изысканности и утонченности.

Когда Джо открыл дверь, многие обернулись в его сторону и почти сразу же отвели глаза. Джо это не задело. Он ждал чего-то подобного. Помещение было узким и вытянутым, с одной стороны располагались шкафчики, с другой висели полки, на которых теснились книги по праву. Стены опоясывал ряд столов, почти все были заняты. Барристеры склонились над бумаги, рядом с ними лежали парики из конского волоса. Эти люди старались соблюдать тонкий баланс между тем, чтобы соблюсти собственные интересы и не создавать ненужных конфликтов. Однако Джо пару раз случайно подслушал их разговоры. Барристеры называли адвокатов вроде него поверхностными выскочками, жалкими посредниками, не обладающими ни мастерством, ни тонкостью, которыми обладает всякий хорошо обученный барристер. Отчасти это было правдой. Квалифицированный барристер стоит дорого, однако можно не волноваться, что деньги пропадут зря. Но Джо слишком часто приходилось встречаться с людьми, которые считают, что смысл судебного процесса – заработать как можно больше, а потом просто добиться, чтобы клиент признал себя виновным, и на этом благополучно завершить дело. Джо же, наоборот, был настроен на борьбу и сдаваться не собирался. Именно он, Джо, а не эти господа в париках, имел дело с ежедневными жалобами клиентов. Одни сетовали на затянутость процесса, другие – на то, что непосредственно к суду вроде бы отношения не имело. Например, на тюремную кормежку.

Джо бросил портфель на стул и достал накрахмаленный воротник-стойку со скошенными концами. С помощью золотой запонки прикрепил к простой белой рубашке и, окинув взглядом комнату, громко спросил:

– Ким Ридер не видели?

Послышался шорох. Собравшиеся поднимали головы, но тут же снова погружались в работу. Но потом кто-то крикнул из дальнего угла:

– В зал суда пошла!

Облачившись в черную мантию, Джо кивнул Монике, чтобы следовала за ним, и направился к двери. В этом одеянии Джо чувствовал себя не слишком комфортно. Первые десять лет карьеры он провел в коридорах Магистерского суда и, естественно, обходился дешевыми костюмами. Устаревшие, помпезные одежды Суда короны только мешали и сковывали движения. Слава богу, что от Джо не требуется разгуливать в дурацком парике. Впрочем, идя по коридору, он заметил, что многие молодые люди не разделяют его недовольства. Они вполне бодро шествовали, подметая мантиями пол и неся под мышками бумаги, перевязанные розовыми лентами. Те, кто постарше, шагали помедленнее. Они уже успели утратить юношеский энтузиазм, да и мантии изнашивались.

Наконец Джо разглядел впереди Ким Ридер. Она разговаривала с двумя мужчинами в костюмах – полицейскими, но не с теми, которых он видел вчера. Ким была, как всегда, элегантна в темном костюме и лакированных туфлях на каблуках. Белый парик ярко контрастировал с темными волосами, спадавшими на плечи. Джо остановился, сунул в рот мятный леденец и повернулся к Монике:

– Дозвонилась до матери Ронни?

– Да. Сказала, что приедет, – ответила Моника и указала на миниатюрную пожилую женщину. Та сидела одна, положив сумку на колени. Несмотря на теплую солнечную погоду, одета женщина была в тяжелое коричневое пальто. – Должно быть, это она и есть.

Когда они подошли ближе, женщина подняла голову. Джо шагнул к ней:

– Миссис Бэгли?

Та кивнула.

– Мы представляем интересы Ронни.

Когда миссис Бэгли не ответила, Джо спросил:

– Если Ронни выпустят под залог, вы примете его к себе?

– Думаете, его отпустят?

– Вряд ли, – ответил Джо. – Но на всякий случай такие вещи лучше уточнять заранее.

Миссис Бэгли посмотрела на Джо, потом перевела взгляд на Моника.

– Да, – ответила она, чуть запнувшись. – Если что... Хорошо. Меня Винни зовут.

– Спасибо, Винни, – кивнул Джо, и они с Моникой зашагали к Ким Ридер.

Та с улыбкой повернулась к нему и взяла бумаги в другую руку – до этого она загоразивалась ими, точно щитом.

– Здравствуй, Джо. Ты ведь так и не рассказал, как тебе удалось увести клиента у Махунов.

– Я и не уводил, он сам меня выбрал, – ответил Джо, в знак приветствия кивнув мужчинам в костюмах. Те не ответили. – Я просто исполняю его пожелания. Ну как, стоит рассчитывать на освобождение под залог?

Ким рассмеялась:

– Его же в убийстве обвиняют, так что сам понимаешь...

Полицейские заулыбались.

– Может, судья будет в творческом настроении, – ответил Джо и, толкнув дверь, вошел в зал суда. Надо сегодня устроить какую-нибудь заварушку, исключительно эффекта ради. Клиенты любят, когда защитники стучат кулаком по столу, даже если толку от этого никакого.

Моника шла следом, провожая Винни Бэгли к местам для посетителей. Джо не хотел, чтобы Ким узнала, что он задумал, поэтому закрыл за собой дверь, отгораживаясь и от нее, и от полицейских. Ни к чему, чтобы они за ним следили. Джо нужно было кое-что узнать.

Глава 17

Когда Сэм Паркер вошел в оперативный штаб, усталость из-за раннего подъема уже начала сказываться. В углу комнаты инспектор Эванс разговаривала с двумя мужчинами в темных костюмах. Сэм сразу их узнал. Он видел этих людей вчера. Скорее всего, сержанты, предположил Сэм. В своей строгой одежде они разительно отличались от остальных – те сидели в простых рубашках с закатанными рукавами. Заметив Сэма, Эванс шепнула что-то сержанту, стоявшему ближе к ней. Оба сразу повернулись к вновь прибывшему.

– Ну, как дела у брата? – спросила Эванс. – Узнали что-нибудь полезное про Ронни Бэгли?

– Жаль вас разочаровывать, но нет, – покачал головой Сэм. – Как я и предполагал, Джо о клиенте говорить отказался. Только я упомянул Ронни Бэгли, сразу насторожился и ни слова не сказал.

– Адвокат с принципами? – Тон Эванс был полон сарказма. – Впрочем, этого следовало ожидать. Но попробовать стоило.

Сэм стоял, не зная, что сказать. Наконец Эванс переглянулась с сержантами и произнесла:

– Что ж, пойдёмте в мой кабинет.

Сэм последовал за инспектором Эванс в маленький кабинет, где они разговаривали вчера. Сегодня здесь царил ещё больший беспорядок – к горам бумаг прибавились обертки от еды и кофейные чашки. Эванс указала на стул, а когда Сэм занял свое место, спросила:

– Знаете, почему я хочу поговорить с вами наедине?

– Теряюсь в догадках, – ответил Сэм. – Остается предположить, что вы хотите провести физиогномический анализ и проверить, не слишком ли высоко я ставлю преданность брату.

– И каков же ответ – да или нет?

– Скорее нет, – произнес Сэм. – Хотя, вообще-то, с вашей стороны неэтично обращаться ко мне с такой просьбой, мэм.

Эванс откинулась на спинку кресла и поджала губы. Сэм невольно заерзал на стуле, но взгляд не отвел. Наконец Эванс заговорила:

– Вы правы. Понимаю, что поставила вас в неловкое положение. На самом деле я хотела проверить, испытать вас, а история с делом Ронни Бэгли просто показалась удобным предлогом.

Эванс снова подалась вперед и оперлась локтями о стол.

– На самом деле я вызвала вас совсем по другой причине. Меня интересует Бен Грант.

Сэм удивился:

– Бен Грант? Тот самый?

– А вы что, другого знаете? Думаю, вы его отлично запомнили, ведь с ним связана ваша, если можно так выразиться, минута славы.

Сэм шумно вздохнул.

– Попробуй такое забудь, – произнес он, и в голове сразу замелькали картины прошлого. Той ночью восемь лет назад он был на дежурстве. Как всегда, патрулировал улицы на служебной машине. Таковы были обязанности, пока Сэма не назначили детективом. Тогда полиция проявляла особую бдительность – в парках Манчестера обнаружили тела трех девочек, двух десятилетних и одной девятилетней. Все эти девочки пропали и были найдены изнасилованными и задушенными. Их окровавленные, обнаженные тела просто бросили в кустах. Были и другие пропавшие дети. Их тел не нашли, однако атмосфера в городе царила напряженная.

Сэм ехал мимо парка к югу от центра, как вдруг заметил, что вдалеке, около железнодорожной насыпи зашевелились кусты. Между веток мелькнуло что-то светлое, а потом Сэм услышал шорох. И то и другое насторожило его.

Конечно, ничего особо подозрительного тут не было – возможно, кто-то просто решил воспользоваться кустами в качестве бесплатного туалета. Но чутье подсказывало – нет, здесь что-то другое. Сэм выпрыгнул из машины и побежал в ту сторону, на ходу крича в рацию. При его приближении Бен Грант медленно вышел из кустов, держа руки так, точно сдавался. Сэм даже засомневался, не ошибся ли – Грант не пытался убежать, не сопротивлялся. Лишь повернулся к Сэму, бросив последний взгляд на кусты, и медленно подошел к нему.

Сэм уже достал баллончик и приказал Гранту лечь на землю. Он уже приготовился к погоне через парк, но Грант покорно опустился на колени и вытянул руки, давая надеть на себя наручники. Сэму показалось, что он услышал какие-то звуки рядом с насыпью. Потом заметил краем глаза какое-то движение, но все его внимание поглотил Грант.

Заковав задержанного в наручники, Сэм посветил фонарем в кусты. Заметив бледную кожу, задрожал и едва не выронил фонарь. Свет выхватил из темноты ноги убитой девочки, ее одежда была засунута в пластиковый пакет. Сэм в первый раз обнаружил тело. Он прилагал все усилия, чтобы взять себя в руки, но руки тряслись, а по лицу катился пот. Грант же не проявлял ни малейших признаков нервозности и казался удивительно спокойным.

Эта девочка была четвертой жертвой Гранта, хотя, возможно, на самом деле их было больше. Грант заманил ее в свой фургон, задушил и изнасиловал. Когда фотографии Гранта были напечатаны во всех популярных газетах, из простого фабричного рабочего он превратился в объект всеобщей ненависти. Причем дурную славу ему создали не только совершенные убийства, как бы чудовищны они ни были. Грант как будто наслаждался всеобщим вниманием, улыбался перед камерами и махал рукой, когда его вели к тюремной карете для перевозки заключенных. Свое право выступать на суде Грант использовал для того, чтобы похвастаться, как заманил и убил этих девочек. Защитника у него не было. Видимо, Грант просто хотел позлорадствовать на публику.

Сэму была объявлена благодарность, однако гордости он не испытывал. Невозможно радоваться тому, что связано с ужасными событиями, так похожими на убийство его собственной сестры. Сэм посмотрел на Эванс:

– Почему вас интересует Бен Грант? Он же в тюрьме.

– Видели плакаты с фотографиями девочек?

– Они в каждом участке развешаны, – ответил Сэм. Вчера он заметил их здесь, в оперативном штабе, а до этого видел по телевизору, когда передавали объявления о пропаже и показывали реконструкцию событий.

– Все четыре девочки пропали, предположительно убиты, – продолжила Эванс. – Когда исчезли первые две, мы не нашли между этими случаями никакой связи. Даже если обе пострадали от рук одного и того же злоумышленника, мы думали, что они просто случайные жертвы. Но теперь появились основания считать по-другому. Есть одно обстоятельство, которое объединяет всех жертв. Прежде чем расскажу какое, пообещайте, что этот разговор останется между нами. Мы решили, ни к чему разглашать такую информацию. Однако дело касается вас.

Сэм удивленно вскинул брови:

– Меня?.. А-а, ну да, конечно...

Тут инспектор Эванс понизила голос:

– Все эти девочки имеют отношение к людям, которые занимались делом Бена Гранта.

– В смысле?

Эванс потянулась за одним из плакатов, валявшихся на полу рядом со столом. Указала на фотографию хорошенькой улыбающейся рыжей девочки.

– Первой жертвой стала Саманта Крейн. Одним из следователей, проводивших расследование, был Джимми Крейн. Про Бена Гранта мы тогда даже не вспомнили. Единственное, о чем думали, – с девочкой из семьи нашего коллеги случилась беда. – Эванс указала на вторую девочку в праздничном платье. Светлые волосы сияли на фоне ярко-голубого шелка. –

Потом пропала Джилли Хендерсон. Среди барристеров, выступавших на стороне обвинения, был Билл Хендерсон. Но даже тогда мы не сообразили, что тут есть какая-то связь. Они над многими делами работали вместе, не было причин заострять особое внимание на Бене Гранте. Этот человек в тюрьме и вряд ли когда-нибудь выйдет.

– И когда вы изменили мнение?

– Когда исчезла Эмили Брукер. – Эванс указала на плакат с фотографией чернокожей девочки с длинными кудрявыми волосами и белоснежными зубами. Она улыбалась весело и немного кокетливо. – Эмили – дочь одной из криминалистов. Тут мы и обнаружили связующее звено. Мы уже поняли, что неизвестный нацелился против полицейских, поэтому составили список всех дел, над которыми мать Эмили и отец Саманты работали вместе. Мы передали этот список отцу Джилли, барристеру, тот просмотрел свои дела и обнаружил, что всех троих объединяет Бен Грант.

Сэм на некоторое время задумался и наконец спросил:

– А с самим Грантом вы говорили?

– Пытались, но он отказывается, а заставить не можем, поскольку нет доказательств, что Грант располагает какой-то информацией. – Эванс издала мрачный смешок. – Не можем же мы его арестовать! У Гранта железное алиби – все это время он находился в тюрьме.

– А четвертая жертва? Индийская девочка?

– Аршафи Деви, – произнесла Эванс. – Если до этого некоторые еще сомневались, то после исчезновения Аршафи таких не осталось. Ее отец был одним из присяжных, вынесших приговор. Дочь присяжного? Тут и объяснять ничего не надо.

– Когда произошло последнее исчезновение?

– Два месяца назад, – ответила Эванс. – Как и в остальных случаях, раскрыть преступление по горячим следам не удалось. Единственное, что мы знаем, – домой Аршафи так и не вернулась, однако нам неизвестно, где она была тем вечером. Но потом обстоятельства изменились, вот я и решила познакомиться с вами поближе.

– Продолжайте, – с некоторой настороженностью в голосе произнес Сэм.

– Вчера нам позвонили из тюрьмы. Грант передумал. Наконец-то он согласен ответить на наши вопросы, но при одном условии.

– С чего это вдруг он решил больше не играть в молчанку?

– Понятия не имею, – проговорила Эванс. – Надеемся, вам удастся это выяснить.

Сэм растерялся:

– Не понимаю...

– Грант будет говорить только с вами. Таково его условие.

Глава 18

Джо сидел в зале суда, опершись локтями о стол. С виду он казался спокойным, однако нервно постукивал то одной ногой, то другой. Моника сидела сзади – наблюдала, училась.

Было уже почти десять часов. Молчание становилось неловким. Пристав не обращал на Джо ни малейшего внимания, зато секретарь суда, облаченная в белую кружевную блузку, краснела каждый раз, когда Джо смотрел в ее сторону. С другого края первого ряда сидела Ким и читала что-то в телефоне. Джо понимал, почему она отодвинулась так далеко, – не хотела, чтобы полиция упрекнула ее в братании с вражеской стороной, защитой. Она всегда так себя вела, когда вокруг были свидетели.

В зале суда стояли ряды длинных деревянных столов и откидных стульев, далее располагалась приподнятая платформа, а за ней – галерея с местами для посетителей, двумя рядами кресел с красной плюшевой обивкой. Там сидела мать Ронни. Женщина смотрела прямо перед собой, будто не могла поверить, что сейчас ее сын предстанет перед судом. Джо повернулся к ней, ободряюще кивнул и улыбнулся, но Винни не ответила.

Джо перевел взгляд на телеэкран на стене. Как только дело приносили судье, общение с заключенными осуществлялось по видеосвязи. Пока на экране виднелась лишь серая занавеска и буквы «HMP Manchester» – официальное название тюрьмы Стрэнджуэйс. Еще несколько минут тишины, и наконец появился Ронни в серой тюремной фуфайке. Он сразу уставился на камеру. Глаза красные, напряженные. Единственная часть зала суда, которую показывали Ронни, – стул судьи, пока пустой.

Джо снова посмотрел по сторонам. Народу было мало, и это лишний раз подтверждало, до какого жалкого состояния докатился Ронни. В Суде короны проходили гораздо более волнующие процессы, во время которых у дверей дежурили вооруженные полицейские. Бывало, закоренелые преступники оказывались настолько опасны, что приходилось держать ухо востро или требовалось предотвращать возможные акты мщения. Ронни же грозило на всю жизнь угодить за решетку, но единственными, кто присутствовал на процессе, были его мать, адвокат, прокурор, стажер, пристав и секретарь.

Тут раздался какой-то шум. Джо обернулся и увидел, как в зал вошел мужчина и медленно побрел к заднему ряду галереи для посетителей. Незнакомый сел в углу, будто не хотел, чтобы на него обращали внимание, однако, увидев, что его появление не прошло незамеченным, пристально уставился на Джо. Тот сразу узнал этого человека. Тот самый, который вчера сидел перед офисом, – следил, присматривался.

– Не знаешь, кто это? – спросил Джо. Ким подняла голову, и Джо кивнул в сторону посетителя. – Вон, в углу сидит.

Ким поглядела на галерею, потом покачала головой:

– Нет. А что?

Джо задумчиво помолчал, потом мотнул головой:

– Да так, ничего.

– Всегда представляешь их себе по-другому, – произнесла Ким, указывая на экран. Она знала, что Ронни не может их услышать. Микрофон был выключен.

– Кого, убийц? – спросил Джо и тоже посмотрел на Ронни. – Ну, это пока не доказано.

– Не прикидывайся, Джо. Служебное рвение будешь проявлять, когда Ронни тебя слышит. А между собой давай говорить начистоту. Сам знаешь, доказывать виновность – совсем не то же самое, что доказывать невиновность. Мне всегда кажется, что вина должна бросаться в глаза, будто какое-то пятно.

Джо улыбнулся и снова приосанился. Перепадки перед судом – дело привычное.

– Конечно, значков они не носят, – ответил он. – Убийцы могут жить рядом и ходить среди нас. Ничего не поделаешь, тут все совершенно непредсказуемо.

– Но ребенок? Бедная малышка. Он что, совсем бесчувственный?

– Твои рассуждения наивны, Ким. Неоднократно имел дело с убийствами, но ни разу не получилось узнать всю историю от начала и до конца. Нам известно только то, на что указывают доказательства и о чем говорят люди. А что случилось на самом деле, известно только двоим, но один дать показания не может.

Прежде чем Ким успела ответить, Джо прибавил:

– И каким же способом ты хочешь добиться, чтобы его не выпустили под залог?

Ким фыркнула:

– Под залог? Что за хрень ты несешь? Шутишь, что ли? – Она наклонилась к нему: – Этот человек убийца, Джо. Убийц под залог не выпускают.

Джо подавил улыбку – все-таки из уст женщины с таким дорогостоящим образованием даже бранные выражения звучат утонченно.

– Хорошо, – произнес Джо. – Тогда будешь просто смотреть, как судья его отпускает. Не согласишься на залог, сегодня же добьюсь оправдания по всем пунктам.

– Глупости. Ничего у тебя не получится.

– Естественно. В зале сразу крик поднимется, но, по крайней мере, дам судье понять, что дело слабовато. Сама знаешь, как судья может развалить дело, если оно ему не понравится. В результате для присяжных потом ничего не останется. И тогда ты проиграешь, и все из-за моих слов.

Губы и ноздри у Ким дрогнули. Она явно призадумалась. Пыталась решить, какой вариант хуже – согласиться, чтобы Ронни выпустили под залог, или позволить выставить дело в неблагоприятном свете перед судьей.

– Если речь идет о деле об убийстве, для освобождения под залог нужен повод, – проговорила Ким.

– Ну, тут все просто. Дело слабое, а если тела не найдут, таким и останется.

– У нас и других доказательств хватает.

– Серьезно? Ну и что это за доказательства? Неужели рассчитываете раскопать что-то новое?

– Если мы хотим укрепить позиции, это еще не значит, что они у нас слабые.

– Справедливо, – согласился Джо. – Но все, что у вас есть на данный момент, – лишь фрагменты головоломки. Потеряете один, и нужную картинку собрать не удастся. Возьмем кровь. Это лишь один фрагмент головоломки, но у Ронни есть объяснение, откуда она взялась.

– Даже не сомневаюсь, Джо. И когда же это объяснение пришло ему в голову? Сразу после того, как дело взял в свои руки ты? Почему Ронни с самого начала не рассказал обо всех обстоятельствах полиции?

– Вот что бывает, когда обращаешься к Махоунам, – ответил Джо. – Нельзя же наказывать подсудимого за некомпетентность адвоката.

Ким некоторое время помолчала и наконец спросила:

– И откуда же, по его словам, взялась кровь?

Джо покачал головой:

– Сейчас отвечать на этот вопрос было бы преждевременно. Однако ты должна согласиться с тем, что, если Ронни сумеет объяснить наличие следов крови, дело практически развалится.

Джо пытался убедить Ким, что ее шансы на победу невелики. Конечно, на немедленный эффект он не рассчитывал, зато потом будет легче убедить Ким отказаться от обвинений. Главное – подорвать уверенность прокурора с самого начала. Джо указал на телеэкран.

– Ты что-то говорила про видимые признаки вины. Неужели всерьез думаешь, что этот человек мог расправиться с собственным ребенком?

– Не существует определенного типа убийцы. Ты сам только что рассуждал на эту тему.

– Когда речь идет о родных детях, все по-другому. Такое не проходит бесследно. Взгляни на Ронни. Он просто напуган из-за того, что на него завели дело, вот и все. Ни малейших признаков нечистой совести.

Ответить Ким не успела – открылась дверь, находящаяся за возвышением, и вошел судья в парике из конского волоса. Поверх шелковых одежд алела красная перевязь. В таком виде судья был похож на экстравагантно наряженного денди. Это был судья-рекордер, рассматривавший самые серьезные дела. Главное – не забыть, что обращаться к нему нужно «милорд», а не «ваша честь», подумал Джо. На самом деле все эти громкие слова использовались скорее в силу привычки, для заполнения пауз в речи, но, если кто-то нарушал принятые правила этикета, в отместку судья запросто мог выставить виновника в нелепом виде.

Все встали с мест, ожидая, когда судья кивком разрешит садиться. Джо застегнул пиджак. Он всегда делал это в присутствии судьи, а не заранее, чтобы лишний раз продемонстрировать почтение и уважение. Чашу весов в твою пользу может склонить даже самая ничтожная мелочь. Заняв свое место, судья бросил на Джо хмурый взгляд.

С предварительными формальностями разделились быстро. Назвали имя Ронни, сообщили, в чем его обвиняют, и объявили, что он не признает себя виновным. Когда дело дошло до назначения даты, понадобилось прояснить важное обстоятельство – останется Ронни в тюрьме или нет? Если его не выпустят из-за решетки, разбирательство будет назначено на более ранний срок. Судья махнул Ким рукой, давая понять, что она может не вставать.

– Мистер Паркер, вы будете подавать запрос на освобождение под залог?

Джо сразу понял, что на самом деле хотел сказать судья. *Не заставляйте меня тратить время на ваши нелепые требования.* Но мнение Ронни сейчас интересовало Джо больше, чем мнение судьи.

Джо встал:

– Да, милорд.

Судья вскинул густые белые брови так, что они очутились под самым париком.

– Я ознакомился с делом.

– Очень рад, милорд. Значит, вы сами видите, что позиция обвинения чрезвычайно слаба.

Судью, кажется, позабавил ответ. Он откинулся на спинку кресла.

– Прошу уточнить, что вы имеете в виду.

Джо покосился на экран. Ронни подался вперед, боясь пропустить хоть слово. Детективы сидели в расслабленных позах, прислонившись к спинкам кресел, и усмехались. Явно были уверены, что судья на их стороне. Но они не знали, что Джо пришел в зал суда первым и благодаря одной приветливой улыбке узнал у секретарши, что на судью дело впечатления не произвело. Возможно, судью не до такой степени одолевают сомнения в виновности Ронни, чтобы выпустить его под залог. Но, по крайней мере, у Джо появился шанс.

– Дело построено вокруг трех обстоятельств, – начал Джо. – Кровь, ссора и признание.

– Вы забываете о двух пропавших людях.

– Вы абсолютно правильно выразились, милорд. Пропавших. Нам неизвестно, что их нет в живых. Что, если мой клиент проведет много месяцев в тюрьме, а потом в зал суда войдет предполагаемая жертва, толкая перед собой коляску с ребенком? Такую возможность нельзя исключать. А кровь? Всего лишь слабые разводы и ничего больше. Возраст следов установить не удалось. Осмелюсь напомнить, что мой подзащитный и пропавшая жили вместе и неоднократно ссорились. Но делать из этого вывод, что он убил сначала сожительницу, а потом родную дочь, – очевидная натяжка.

– А как насчет признания? – спросил судья. – Он сам явился в полицейский участок и признался в убийстве сожительницы.

– О каком признании вы говорите? – произнес Джо. – Я насчитал как минимум три варианта. Так что же сказал мой подзащитный? «Я убил ее»? «Кажется, я убил ее»? Или «Это я виноват в ее смерти»? Мы же не хотим повторить историю с Дерекком Бентли из фильма «Пусть получит свое». Напомню, там из-за таких вот нюансов разваливается все. Признание мистера Бэгли записано? Что скажет обвинение?

Судья повернулся в сторону Ким:

– Слушаю, мисс Ридер.

Она встала, и Джо уступил ей место.

– Если милорд говорит о видеозаписи, то, к сожалению, нет.

– А откуда взялись три версии? – спросил судья.

– Первая – рассказ человека, который слышал признание, две другие принадлежат тем, кому он повторил эти слова позже. В их показаниях могут присутствовать искажения, но мы располагаем свидетельством человека, который лично присутствовал в участке во время признания.

– Однако, судя по всему, его версия событий тоже может оказаться искаженной.

Ким промолчала.

– А следы крови? – продолжил судья. – Вы можете доказать, что они достаточно свежие?

– Мне сказали, что установить давность следов крови возможно. Именно это мы и попытаемся сделать, но пока предъявить такого рода доказательства не представляется возможным.

– Значит, на данный момент оценка давности следов отсутствует?

Ким кивнула:

– Да, милорд.

Ее щеки залил румянец.

– Выходит, мы точно не знаем, когда именно и при каких обстоятельствах были оставлены следы крови?

– Нет, милорд, – ответила Ким. Ее голос звучал все тише.

– Значит, единственное, что вы можете предъявить, – показания о ссоре и двое пропавших.

Джо ощутил приятное предвкушение. Кажется, сегодня удача улыбнулась ему. Судья помолчал и взглянул на экран, где, подавшись вперед, сидел не находивший себе места от волнения Ронни. Джо написал на обрывке бумаги записку и пододвинул по столешнице в сторону Ким. Та опустила глаза и прочла: *«Соглашайся на залог, и я больше ни слова про доказательства не скажу. Дальше будем разбираться в суде»*. Ким глубоко вздохнула и повернулась туда, где сидели полицейские. Теперь и они напряглись, наклонившись вперед и опершись локтями на латунную ограду галереи для посетителей. Затем Ким взглянула на Джо. Он подмигнул ей. Джо знал, что сейчас Ким вспоминает его недавние слова – он может с самого начала настроить судью против дела.

– Милорд, сторона обвинения не требует, чтобы подсудимый оставался под стражей, – наконец произнесла она.

Голос Ким прозвучал чуть слышно, и она прикрыла глаза, когда полицейские быстрыми шагами покинули зал суда. По тому, с каким шумом захлопнулась дверь, без труда можно было определить их настроение.

– При соблюдении соответствующих условий освобождение под залог возможно, – продолжила Ким. – Если милорд не имеет возражений.

– Ранее подсудимый привлекался к ответственности?

– Несколько лет назад, статья – нанесение легких телесных повреждений.

– Ему есть где жить?

Джо встал.

– Моего подзащитного готова принять в свой дом мать, проживающая в Мартоне. Она находится в зале суда, на галерее.

Судья задумчиво кивнул.

– Что ж, в таком случае возражений с моей стороны не будет, – наконец произнес он.

Когда Джо отвесил благодарный поклон, судья прибавил:

– Надеюсь, в ближайшее время сожительница подсудимого даст о себе знать, однако, если полиция обнаружит тела, одно или оба, решение об освобождении под залог будет отменено.

Джо еще раз поклонился:

– Разумеется, милорд.

Он повернулся к сияющей от восхищения Монике, а потом взглянул на Ронни. Тот сидел с открытым ртом, потрясенный до глубины души. Ронни выходил на свободу. Обводя взглядом зал, Джо посмотрел в дальний угол галереи. Кем бы ни был неизвестный мужчина, зал суда он уже успел покинуть.

Глава 19

Сэм совершенно растерялся.

– Бен Грант хочет говорить только со мной? – переспросил он. – Почему?

– Полагаю, причина в том, что именно вы его поймали, – ответила Эванс. – Он знает вас, знает, какую важную роль вы сыграли в его деле. Возможно, для него вы до сих пор неопытный констебль, и Гранту кажется, что вы легко попадете под его влияние. Бен Грант – чрезвычайно самовлюбленный тип.

– Не волнуйтесь, не попаду, – ответил Сэм.

– Вот и хорошо. Приятно слышать. Но торопиться не будем. Грант не выносит, когда его игнорируют. Если как следует помариновать его, может выложить больше, чем планировал. А пока изучите информацию о четырех пропавших девочках. Ознакомьтесь с фактами, прочтите все от корки до корки и заучите наизусть – Эванс похлопала себя по голове. – Места, даты... Поймаете Гранта на вранье – значит, можно не придавать его словам значения. Мы, откровенно говоря, предполагаем, что он просто напускает на себя важность. Но если Грант сообщит вам что-то новое, будут основания отнестись к делу серьезно. Возможно, вам удастся добыть у Гранта информацию, о которой нам неизвестно.

– Сделаю все, что могу, – ответил Сэм.

– Но сами ничем с ним не делитесь. Вы встречаетесь с Грантом вовсе не для того, чтобы будоражить некоторые его нездоровые фантазии, пусть предается им, когда останется в камере один. Поняли? Обмен фактами будет только в одну сторону.

– Само собой, но кое-чего я все-таки не понимаю.

– Спрашивайте, не стесняйтесь.

– Подозрительное совпадение. Сначала меня вызывают сюда по поводу моего брата и его клиента Ронни Бэгли, а теперь я неожиданно понадобился Бену Гранту. Не понимаю, откуда такой интерес к моей скромной персоне.

Несколько секунд Эванс барабанила пальцами по столу, потом вздохнула.

– Вы правы, это не совпадение.

– Будьте добры, объясните.

– Мы обнаружили связь с делом Ронни Бэгли. Не слишком очевидную, однако факт остается фактом, – ответила Эванс. – Бэгли убил свою сожительницу Кэрри Смит и их общего ребенка. Но выяснилось, что Бен Грант хорошо знаком с Кэрри – даже более того... Может, вы уже слышали ее имя?

Сэм задумчиво поджал губы, припоминая, и наконец ответил:

– Нет, не слышал.

– Кэрри работала с Беном Грантом, – продолжила Эванс. – Эта женщина несколько раз упоминается в деле Гранта. Ходили слухи, что у Гранта есть девушка, однако сам он этого не подтверждал.

– Значит, этой девушкой была Кэрри?

– Да. А вот вам и еще одно интересное обстоятельство – в последние пять лет Кэрри регулярно навещала Гранта в тюрьме. Она была единственной, кого он соглашался принять.

Сэм был удивлен.

– Кем надо быть, чтобы навещать Бена Гранта? Отношения отношениями, но этот подонек насиловал и убивал детей!

– Не знаю, почему она его навещала. Вряд ли мы когда-нибудь получим ответ на этот вопрос. Есть веские основания предполагать, что Ронни убил Кэрри, однако эта женщина – еще одно связующее звено с Беном Грантом. И тело до сих пор не нашли.

– А что, если она следующая жертва в череде исчезновений? Или сама является преступницей?

– Вряд ли. Во-первых, Кэрри сильно отличается от четырех известных жертв. Взять хотя бы тот факт, что она намного старше. Во-вторых, есть много доказательств, указывающих на то, что Ронни расправился с Кэрри. Кровь. Его собственное признание. Угрозы. И не забывайте про то обстоятельство, что, в отличие от других пропавших, Кэрри была лично знакома с Грантом. Девочки же были связаны с теми, кто упрятал Гранта за решетку. Барристер. Следователь. Криминалист. Присяжный. Такое чувство, будто все это – месть за Бена Гранта. А если рассмотреть убийство Кэрри, картина складывается совершенно другая.

– И что же, по-вашему, может знать Грант? А главное, кто за него мстит?

– Сэм, вспомните, как вы заметили Гранта в кустах. С вами тогда никого больше не было.

– Да.

– Вы говорили, что не сводили глаз с Гранта.

– Верно. Сразу понял, что дело нечисто, и следил за каждым его движением. Откровенно говоря, я тогда здорово перепугался.

Эванс посмотрела Сэму в глаза:

– Вспоминайте хорошенько, Сэм. Не было ли в кустах кого-то еще?

Сэм удивился, но именно так и обстояло дело. В кустах было темно, единственным источником света являлся фонарь, который Сэм нацелил на Гранта. Однако он слышал какие-то звуки, тихий шорох...

– Помню, в кустах что-то шуршало, но ни голосов, ни шагов не услышал. Думаете, у Гранта был сообщник?

– Возможно. Эти четыре преступления не похожи на предыдущие, и тел обнаружить не удалось, однако связь с делом Бена Гранта присутствует. А теперь женщина, которая его навещала, тоже пропала и, скорее всего, убита.

– Почти наверняка, – произнес Сэм. – И убийце предъявлено обвинение. – В ответ Эванс промолчала, и Сэм спросил: – Значит, сообщником был Ронни Бэгли?

– Вполне вероятно.

Сэм задумался. Он следил за делом Бена Гранта, поскольку оно имело к нему отношение, однако имя Ронни Бэгли не упоминалось ни разу.

– Но если Ронни и в самом деле мстил за Бена Гранта, зачем ему убивать Кэрри? Они жили вместе, она была матерью его ребенка.

– Нас эти вопросы тоже интересуют. Возможно, это простое совпадение. На первый взгляд создается впечатление, что мы имеем дело с преступлением на бытовой почве, и убийство было совершено в результате семейной ссоры. Может быть, тот факт, что женщина, постоянно навещавшая Гранта, была убита в то время, когда начали пропадать девочки, ничего не значит.

– А сами вы в это верите? – спросил Сэм.

Эванс покачала головой:

– Как и все хорошие полицейские, терпеть не могу совпадения. Но сказать, какой вариант вероятнее, затрудняюсь. Кэрри хорошо знала Гранта. Была его доверенным лицом. Что, если именно Грант свел ее с Ронни? Бэгли выступал сообщником Гранта, и Кэрри вполне могла пригрозить ему разоблачением. А вдруг Грант рассказал этой женщине что-то такое, о чем больше никому не было известно? Или Ронни нарочно завел отношения с Кэрри, чтобы через нее поддерживать связь с Грантом? В общем, сценариев великое множество, с какого начинать – непонятно. Так что отправляйтесь на встречу с Грантом. Ваша задача – сделать так, чтобы он выложил как можно больше.

– Буду стараться, – ответил Сэм.

Эванс одобрительно кивнула, однако его терзали сомнения – в состоянии ли он общаться с преступником, подобным тому, от рук которого пятнадцать лет назад погибла Элли? Подобная перспектива ему отнюдь не улыбалась.

– Рада, что вы готовы к сотрудничеству.

Сэм поблагодарил Эванс. В конце концов, это его шанс.

Глава 20

Джо ждал Ронни Бэгли возле машины, припаркованной перед зданием Стрэнджуэйс. Рядом стояла Моника, а мать Ронни с сумкой на коленях сидела в автомобиле, на заднем сиденье. Вид у нее был растерянный, совсем как в зале суда. Припарковались в неподобающем месте, поэтому одним глазом Джо следил за тюремными воротами, а другим поглядывал на дорогу – не видно ли дорожных патрулей? Очень не хотелось заработать штраф. Вообще-то, в обязанности Джо не входило развозить клиентов по домам, однако Ронни подозревается не в чем-то, а в убийстве, и значит, подход к нему должен быть особый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.